

С.А.Жуков

И С Т О Р И Я Р О Д А
(Один век семейной хроники)

Пролог

Писать историю обыкновенного семейства в России - дело нелегкое. Русские - народ кочующий; архивы в нынешнем столетии пришли в упадок, церковные записи разворовываются... Да и не в архивах только дело. Так ли уж редко внук ничего не слышал о дедушке по причинам, далеким от человеческой логики, но тем не менее имевшим место? И мало ли семей, коих отеческие могилы разбросаны по всей земле, а облик и имена ближайших пращуров не известны потомству? Я далек от того, чтобы упрекать кого-либо: все мы дети народа с трагической судьбой. Но чувство того, что и я могу быть отнесен к Иванам, не помнящим родства, - жгло меня со времен сознательной юности.

Исторические потрясения затронули и мою семью; уже став взрослым, я начал задаваться вопросами: кто мы и откуда есть пошли?.. где и как жили мои деды и прадеды?.. Я веду речь, главным образом, о линии отца - то есть о фамилиях Жуковых, Клишиных и близко связанных с ними узами родства. Никто из сородичей не предпринимал систематических попыток такого исследования, зато многие оказались чудесными рассказчиками и охотно делились воспоминаниями. Результаты поисков посильно пытаюсь изложить в этой "Истории рода".

Предки мои были люди простые, крестьянские, бесписьменные, оставившие после себя только устные истории жизни; к тому же род наш перекочевал в 70х-80х годах прошлого века из Тамбовской губернии на Алтай. Какова была крестьянская жизнь до Великого Переселения, знаю лишь в общих чертах. Нет достоверных сведений и о географии движения на восток; ее можно представить по документам, которые оставила волна миграции русского крестьянства, устремившегося после освобождения от крепостничества и навалившегося вслед за этим разорения искать лучшей доли на вольных немерянных землях Казахстана, Алтая, Сибири... Историческая волна, когда переезжали целыми деревнями, обозным способом, со скарбом и скотом, перенося на новое место старые привычки, традиции, верования! Интернациональная волна - на Алтай и в Восточный Казахстан, где осели Жуковы и Клишины, шли русские, украинцы, немцы, башкиры, чуваша, мордва, татары (позже, бурями сталинских ссылок были занесены литовцы, латыши, чеченцы)... Основательное освоение громадной территории, принадлежавшей России уже с XVII-XVIII веков: вослед за казаком-первопроходцем, за служилым человеком шел земледелец... Это медленное движение на Восток можно сравнить разве что с колонизацией Западной части Северо-Американского континента.

Род наш, сам по себе многочисленный (семьи, как правило, были многодетными), был малой частицей этого потока. Кто-то уходил в поход раньше, кто-то позже - здесь не было однородности. Поселившиеся на новом месте звали к себе родственников; эпопея заняла, вероятно, до двух десятков лет... По имеющимся у меня устным свидетельствам и документам, я оцениваю этот период рамками 1875-1895 гг. На старом месте, в Тамбовской губернии, должны были сохраниться неухавшие представители рода, следовательно, можно предпринять попытку разыскать потомков тех фамилий. В Тульской области, например, есть деревня Клишино и, несмотря на то, что фамилию эту встретишь нечасто, много Клишиных сегодня во Владивостоке: не заброшены ли они судьбой из нашего нечерноземного гнезда? Не являются ли отростком могучей родовой ветви?

КНИГА ПЕРВАЯ

Тамбовские корни

Изначальные предки мои были крестьянами, жили в тамбовской деревне Ламки и, сдаётся мне, крепостными не были. Природа в тех местах хорошая, но становилось тесновато, землицы не хватало. Палага, моя прапрабабка, рассказывала, что выйдя замуж за Карпа Андреевича Краснослободцева), стала сороковой по счёту в огромной семье. "Жили скученно, в одном дворе. Большая ограда была - несколько домов. Стряпали понедельно, по 2 женщины в смене, раз отпечешь - неделю отдыхаешь. Избы были немазанные, мыли их в год один раз. Засучаем рукава, хлеб месить... Одна стоит, соломы крутит - соломой топили. У сыновей сыновья были женатые, все вместе жили."

Сохранился ее рассказ, переданный независимо Агафьей Петровной Жуковой, в девичестве Клишиной, и Акулиной Кондратьевной Поздняковой, в девичестве Жуковой. Первый муж у Палаги умер от наговора, а она красавица была! - на ярмарке показали ей второго, сосватанного родителями жениха. "Видишь, он тот, в меховой шапке, на тройке с лентами? Ен и жаних твой..." Смотрит девица, а парень-от низкого росточку, невидный, хоть и кони справные. "Ой, девоньки, как сердце мое оторвалось, так до сих пор на место и не стало!" - говаривала бабка Пелагея много лет спустя.

Интересно бы узнать, где ярмарки русские те проходили, что и как на них торговали, как веселились. Но это отдельный разговор...

Первые из моих сородичей появились на Алтае в 1870-х годах, лет через пятнадцать после Крестьянской реформы, а идея переехать бродила, очевидно, раньше. Карп Краснослободцев побывал на Алтае сначала ходоком. "Дедушка Карпуха первый приехал, понравилось ему - вернулся и семью забрал. Из Ламок в Золотуху ехали на лошадях, - рассказывает Акулина Кондратьевна Позднякова-Жукова. - Бабушка Палага (умерла в 1934) приехала в Золотуху: "...гляжу - наварили сырую тесту, все *ядять, глотають*" - первый раз увидели пельмени".

Кто в Дорогу уходил

Из участников Великого Переселения можно назвать: прапрадеда моего Кузьму Никифоровича Жукова (1843- после 1917), в 1877-м ему было 34 года, жену его и пятерых детей, родившихся еще в России - Семена, Макара, Леонтия, Федосью и Марию.

По линии Клишиных пошли искать лучшей доли пятеро родных братьев: еще один мой прапрадед - Калина (1839-1919), силач и кулачник Тарас (1847-1921),

колдун Елисей, а также Степан и Илларион, о которых не знаю ничего замечательного. Всем - от 20 до 40 лет, у старшего брата Калины женатые сыны. Сын Петр вез жену Акулину - не жилица она была, умерла вскорости, - и, по-видимому, детей Мавру и Николая. Ехала девушкой Евдокия Калиновна, будущая "святая дева" баба Ганя. Ехали жена Тараса Григорьевича с маленькими сыновьями Петром и Архипом. Все они - герои моего повествования.

Чуть позже в путь отправилась будущая вторая жена Петра Калиновича Клишина - Евдокия Тихоновна (1862-1939), моя прабабка, с мужем Михаилом (ум. до 1894). В браке с Михаилом она прижила двоих дочерей - Дарью и Матрену, родившихся то ли в Золотухе, то ли еще в России. Можно насчитать, таким образом, не меньше 25 человек Жуковско-Клишинского племени, на себе испытавших Дорогу.

Самый старший из известных Жуковых, Кузьма Никифорович, оставшись вдовцом, долго жил один на заимке, где и скончался после 1917 года. От самого старшего из Клишиных, Григория, осталось только имя. Предположительное время его рождения 1801-1810 годы, так что до Похода он еще мог дотянуть. Кто он был, этот современник Пушкина, - крепостной крестьянин? казенный егерь, как услышалось мне в одном из семейных преданий?

Чем стала для них Дорога, что повидали переселенцы, каким опытом напитались, сколько времени находились в пути, кто указал им путь в алтайскую степь - не знаю... Наверное, кочевая жизнь длилась долгие месяцы, и много хлебнули они испытаний, пройдя пешком, проехав на телеге пол-России: Волгу, Урал, Западную Сибирь... Остается только надеяться, что сохранившиеся свидетельства очевидцев и историков помогут косвенным путем восстановить картину этого необычного путешествия.

Агафья Петровна, к примеру, говорила, что Клишины ехали месяц, на телегах, долго стояли у Волги - ждали переправу. По другим пересказам, переезд занял гораздо больше времени - до нескольких месяцев. Требуется уточнения период 1877-1885 (1887), где, согласно материалам Всероссийской переписи 1917 года, первая дата означает год появления в Сибири многих из родичей, а вторая - поселения в Золотухе. Возможно, поначалу весь семейный куст поселился в другой деревне, а уж затем перебрался в формирующуюся Золотуху.

Так или иначе, к концу семидесятых годов прошлого столетия в истории рода открылась новая страница - Алтай.

Алтай, Белая земля...

Алтай издавна манил и русского крестьянина, и русского царя. Заселение алтайских равнин, а затем и гор великим народом шло постепенно, начиная с XVII века, сопровождалось вытеснением коренных племен.

Первыми, кто распахивал эти земли, были беглые из крепостных (шли - поколение за поколением, проникая все глубже в сердце Азии), и "отставные" солдаты. Бурные перемены происходили здесь в первой половине XVIII века: основание Петром Великим оборонительной линии фортов и крепостей; кровавое нападение джунгар на приграничные алтайские племена, повлекшее опустение обширных земель, которые позже были заняты русскими вольными поселенцами и регулярной армией; основание Демидовыми сереброплавильных заводов; первые "ревизии", приписывание к заводам окрестного населения. К концу XVIII века территории Алтая были, хоть и редко, заселены.

В XIX веке процесс освоения края продолжался. Административное подчинение неоднократно изменялось. Еще в конце XIX века существовала огромная Томская губерния, в которую входила территория нынешнего Алтайского края.

Последняя ревизия на Алтае датируется 1858 годом. В документах этой ревизии село Золотуха не значится. Следовательно, оно основано между 1858 и 1887-м (год, когда деревня упоминается в переписи).

Алтайские земли привлекали российских крестьян: во-первых, земли много, ("только и жить начали, когда в Сибирь подались" - передает Акулина Кондратьевна Жукова слова своей бабушки, Пелагеи Краснослободцевой); во-вторых, извечная тяга к воле, к Беловодью.

Алтай - смеситель народов. Возможно ли найти здесь "чистую" кровь? Китайцы до сих пор считают, что это их территория, венгры и болгары называют ее землей их предков (джунгар). В Змеиногорском уезде в 1917 году переписывалось население: русское, белорусское, украинское, польское, татарское, чувашское, латышское, эстонское, мордовское, немецкое, алтайское, калмыцкое, киргизское (подразумевались - казахи, иногда алтайцы). Киргизы (казахи) кочевали здесь; приходящие оседлые люди сужали им простор для кочевий, постепенно вытесняли, и - вытеснили еще до Революции. Кочевники ушли в Семипалатинскую степь и дальше - вглубь Казахстана.

Миграция, смешение продолжались в начале нынешнего столетия, идут и сейчас. Евдокия Михайловна Южакова, у которой я останавливался в селе Верхний Уймон, в горах, перебралась с родителями "из Расей", из-под Новгорода, в 1918 году. Сценарий обычный: в России голодно, ходоки идут на Алтай, возвращаются, забирают семьи, преодолевают дальнюю дорогу, получают землю...

В горных деревнях слушал я рассказы о том, как в наши дни женятся алтайцы на девушках из староверских семей, как расейские рождаются с казаками. Да и мой род - тому подтверждение: отец мой Александр Андреевич Жуков женился на маме, Надежде (Саре) Латкиной, наполовину белоруске, на четверть казашке или алтайке.

Новая родина

Итак, мои герои, крестьяне Жуковы и Клишины, в 1880-х годах поселились в селе Золотуха, что на юге нынешнего Алтайского края, в нескольких километрах от Восточного Казахстана. В начале XX века это было большое, богатое село волостного подчинения со своим приходом и церковно-приходской школой. По одну сторону речки с одноименным названием, протекавшей сквозь село, жили преимущественно русские, именуемые "москалями", по другую - украинцы, которых прозывали "хохлами". Кто и когда основал село? Возможно, прямые мои предки и были в числе основателей. Барина тут уже не было - поселение вольных крестьян с выборным старостой и выборным "советом старейшин". Государственная власть осуществлялась из волостного села Локоть и выше - из Барнаула. Жили крестьяне по-разному: зажиточно и победнее, но резкого имущественного расслоения в молодой общине не наблюдалось - здесь никто не голодал, потому что земли хватало, да и неурожаяев, как правило, не было.

В 1893 году Золотухинская деревня Локтевской волости Бийского округа насчитывала 544 души мужского пола и 571 душу женского пола, имела 138 крестьянских и 6 не крестьянских дворов, 2428 десятин земли и молитвенный дом (Государственный архив Алтайского края - ГААК: Списокъ населенныхъ местъ Томской губернии за 1893 годъ. Томскъ. Типогр. губерн. Правленія, 1893).

К 1911 году село разрослось: появились церковь, хлебозапасный магазин, кожевенный завод, винная лавка, училище М.Н.П. (?); проходили три семидневных ежегодных ярмарки, три торговых ярмарки. Дворов - уже 491, душ - мужского пола 1721, женского пола - 1661, количество земли - 26568 десятин (было куда расширяться!)

Строились вольготнее, чем в центральной России: дом-пятистенки, крытый навес для инвентаря и всякой всячины, загон для скота и птицы, баня, амбар; все хозяйство было обнесено высоким забором, с двух сторон примыкавшим к дому. Земляной пол двора был или плотно утрамбован, или имел дощатый настил.

Распахивали целину, и она давала неплохие урожаи зерна. Держали свои огороды. За сахаром, ситцем, солью, спичками и керосином (позже) ездили на ярмарку в Семипалатинск - тогда еще чистый от ядерной пыли...

То ли воображением, то ли генетической памятью дано мне видеть нелегкую жизнь первых колонистов в чужой для них бурной лесостепи, среди увалов и оврагов, столь отличной от "лесов, полей и рек" родной Тамбовщины. Как уж маялись они, выросшие на Руси, по местам детства, особенно лютой зимой, когда мелкого крупинчатого снегу наметало за ночь по самую крышу, когда унылый свист ветра смешивался с жутким и древним воем волка, когда белесое солнце еле проглядывало в низком, сером небе, сливающимся с землей, несущем туманные ключья, а остывшие, обнаженные прорехи земли трескались, как старая кожа, когда странная азиатская тоска разливалась в застывшем воздухе и отравляла душу своими ползучими иглами. Но проходила зима, и наградой новоселам наплывали весеннее разноцветье трав, и вольный запах вспаханного поля, и деревенские праздники с гармошкой, с песнями и пляской, и тайные купальские ночи...

Сыновья после свадьбы строились рядом с отцами; к десятым годам двадцатого столетия в селе стало тесновато. Столыпинская реформа (1906) стимулировала крестьян на освоение новых пахотных земель, и они потянулись в другие места, основав неподалеку от Золотухи 9 новых поселков. К концу десятых годов возникли: Горновка, Ермашиха, Березовка, Антошиха. Вот в этом-то поселке - Горновка - в 1933 году и родился мой отец Александр... "А Золотухе хоть бы что, - рассказывает бабка Агафья Петровна, - только чуть пореже стала". И, помолчав, итожит: "Почти и не тронулась".

В октябре 1992 года случилось мне бывать в этих местах. Ехали мы в старом "москвиче", - *Изжоге*, как любовно обзывал машину владелец, мой троюродный брат Валерий, один из породы "бесов" в нашем роду: черный, кучерявый, живой, ладно сбитый. (Всем хорош, да уж с л и ш к о м живой, - говорила о нем, притворно вздыхая, старушка-мать, Александра Ильинишна Клишина-Литвинова. - Три раза женат - куда уж годится?").

Валерий ловко объезжал полусохшие тряские места, оставшиеся на проселочной дороге от недавних дождей. Мы забирались по длинному тягуну;

вправо шли колки, слева равнина, покрытая клочками убранных полей, пересеченная серыми оврагами, освещенная желтым, ясным, не греющим осенним солнцем. Вдалеке мы увидели длинный ряд деревьев, посаженных вдоль дороги, автомобильный фургон, и около него мужчин. Голубые массы прозрачного воздуха скрадывали даль: там виднелась какая-то деревенька.

"Изжога", колыхаясь по глубокой наезженной колее, подкатила к фургону, дернулась и стала.

- Не знаете, где Золотуха? - спашиваю старшего по виду, полного мужчину в кепке и синей спецовке.

- Вона, за плотиной... Километров десять будет. А кого ищете?

- Историю семейства пишу... Решил навестить родовые места.

- И кто ж вам родственником приходится?

- Жуковы, Клишины, Поповы, Литвиновы, Стребковы...

- То ж весь Каганович! - воскликнул мой собеседник.

- А Горновка в какую сторону?

- Правее от плотины бери, тут недалеко... Увидишь брошенные сады, за ними поворот к горе. Деревни-то уж нету, траву и ту овцы вытоптали...

Мы поблагодарили нашего собеседника, и двинулись дальше. За плотиной дороги расходились и шли по полям. Свернув на ненаезженную колею, "Изжога" вскоре очутилась на мягком поле, и натужно, пlying боком, медленно пробиралась вперед. На земле сидели люди в ватниках и сапогах; часть из них ели, другие сгорбились над кучей свеклы, перебирали ее, очищая от грязи. Некоторые подняли голову, но старый "Москвич" не привлек особого внимания; мы же скоро очутились на хорошей, ровной дороге и покатили в сторону Золотухи. Сердце мое учащенно забилося. Наконец-то я подбираюсь к месту своих стремлений, к гнезду, где из чрева матерей выходили мои отцы, деды, прадеды!

Мы форсировали маленькую речку и, обогнув две полуразрушенные саманные мазанки, поднялись на возвышенность, на которой стояла деревня. Деревня как деревня, ничего особенного. Домики выстроились вдоль дороги, в центре - большое каменное здание конторы, рядом кинотеатр. Встречная крестьянка махнула рукой:

- Жуков? - Есть тут один Михаил Жуков, он живет во-он в том доме, второй за правлением.

С опаской отворив калитку: а вдруг собака? - я вошел в дом. В просторных сенях стояли алюминиевые бидоны, кое-какая утварь.

- Хозяева дома?" - позвал я, отворив дверь в прихожую. Навстречу мне вышел неопрятного вида небритый селянин с расстегнутой ширинкой. Это и был Мишка Жуков. Отца его звали Сергей Павлович, в своей родословной таких имен я не помнил. Откровенно говоря, и приятно было, что этот помятый сын природы не состоит со мною в близком родстве.

... Братская могила! Точно, она. Я трогал слегка отлетевшую побелку на обелиске, красную звезду: нигде ни намека на надпись. Жаль, Архип Тарасович Клишин, я не узнаю твоих братьев по кровавому концу, когда в далеком 18-м белогвардейский залп прервал твою жизнь. А память живет: чья-то рука поправляет эту ограду, выкашивает траву, обрезает ветки высоких деревьев, успевших вырасти на вашей могиле. Не такой ли обелиск погибшим красноармейцам видел я в Верхнем Уймоне нынешним летом? Я озирался по сторонам, но не к кому было обратиться с расспросами. Однако, кажется, я "вычислил": Тимофей Васильевич Шуваев, к моменту расстрела - 23 года; в 1917 году в Золотухе отсутствовал, вполне мог служить на флоте ...

Метрах в тридцати синел маленький домик с одинокой печной трубой, отделенный широким проходом от огородика с колодезным журавлем. По описанию Михаила Жукова, это бывший сельсовет. Церковь должна быть где-то рядом. Вот она! - овалный фундамент в виде вала, след от пристройки, камень посреди. Земля лежала чистая, как затянувшаяся десна на месте вырванного зуба. А когда-то здесь возвышались стены, колокольня гудела медным звоном, возносились молитвы Господу, и ноги десятков моих предков переступали этот порог. Здесь крестили, венчали, отпевали, учили грамоте. Церковь видела налеты красных и белых, расстрел, продразверстку, раскулачивание, а вот уж полвека - только овальная печать на возвышенности...

Я сидел на камне, посреди пустого церковного надела, и так захотелось воскресить их, давно умолкших, которые, принарядившись, ходили в эту церковь по праздникам и воскресеньям! Оживить бы всю их общину: крестьян-кормильцев, их родильниц-жен, бабок - ворожей и повитух, кузнецов, торговцев, попа, пастуха, божьих странников... Я наскреб ладонями родной земли, насыпал в целлофановый пакет. Увезу с собой в Москву. Помоги, мне, мать-земля, написать эту книгу!

Первопоселенцы

Что за обычаи тащили сюда мои родичи, какие привычки взяли у коренных жителей новой родины ? Домостроя в семьях не наблюдалось - вольница

раскрепостила. От веры у многих осталась, скорее, религиозная дисциплина. "Мать что-то шептала на образа, а отец, похоже, в Бога не слишком верил," - вспоминает Александр Дмитриевич Клишин, мой двоюродный дядя. Оно, правда, не мешало крестьянам быть людьми работающими, старательными и в общем трезвыми. И устав церковный, конечно, соблюдали, все праздники отправляли как положено.

Суеверия, знахарство, заговоры, обряды, обычаи пронизывали всю их жизнь. Об этом слышал я с детства. Семейные устои были весьма прочными, во всяком случае, у старшего поколения. Дети часто звали родителей на *Вы*. Свекровь всю командувала невестками, особенно пока молодые жили в доме родителей. Глава семейства возглавлял общий стол за трапезой, и никто не мог приступить к еде прежде него - порядок соблюдался строго, в случае чего легко было и по лбу ложкой схлопотать... У моего отца, смолodu уехавшего из деревни, окончившего институт и пошедшего по инженерной стезе, до сих пор сохранилась воспитанная в детстве привычка к общему семейному обеду, где каждый имеет за столом свое определенное место.

Независимость, умение полагаться на свои силы, трудная природная жизнь рождала натуры широкие, вольнолюбивые, упорные. Золотушинцы рекрутировались в сибирские полки и отличались воинской доблестью. До бунтов против государственной власти, какие случались в Сибири среди казаков веком-два раньше, здесь дело не доходило. Но когда Советская власть в тридцатых годах стала прижимать крестьян, многие открыто протестовали, не желая подчиниться обезличке, разору устоев.

Приговор деда Леонтия

Протест принимал порой драматичные формы. Суровым и величественным был уход из жизни шестидесятилетнего Леонтия Кузьмича Жукова.

Оба сына его, Филипп и Андрей, вступили в партию, а потом в колхоз. Дед же Леонтий ни в какую не соглашался, полагая резонно, что со своим хозяйством сам управится лучше. Время не принимало компромиссов: сыновья отказались от Леонтия. Стояло лето 1933 года...

Леонтий Кузьмич расхворался, много и упорно о чем-то думал. Сделал ремонт в неурочное время - потолок побелил, не обращая внимания на встревоженные расспросы жены Александры - по осени положено избу править, а лист еще не пожелтел.

- Люди придут, а потолки небеленые...

- Какие люди, Леоша?

- Какие-нибудь да придут, мать...

Как-то раз в субботу сходил Леонтий в баню, надел чистую рубаху, а в воскресенье отправил жену в соседнюю деревню к сестре.

- Сходи-ка к Машке, попроси у ней холстинки, а то помру, так нечего и в гроб постелить.

Поворчала бабка Александра, но пошла. А Леонтий сел точить нож. Внучата, что вертелись рядом, спрашивали, зачем, деда, нож точишь? - Чтоб острый был, - отвечал. - Бегите-ка играть, не шумите, да ко мне в сад не ходите, спать буду... Отправился в сад, к своему топчану на бережку речки Грязнухи.

Так и вижу жилистые руки прадеда, в старческих пятнах, но цепкие, без дрожи. Вот они кладут нож на край доски... Вот заправляют вовнутрь ворот белой рубахи... Вот сжимают пальцы в три перста для последнего крестного знаменья... И - правая рвет металлом горло! пропарывает насквозь! рывок сквозь булькающий хрип... еще...нет сил, не дорвал маненько... а левая рука дрожит, цепляя яблоню, и кровь - на землю из-под бороды... И - разжимаются пальцы, и дрогнули еще раз, когда Леонтий ополз на топчан, напряг уходящую жизнь, чтоб вытянуться пристойно.

- Аккуратно он себя зарезал, - говорит бабка, а глаза безжизненны и сухи, - на шее немно-ожко так кровь запеклась, всю слил. Когда помыли его, только эти самые порезы с двух сторон шеи и остались... в той самой рубахе его и хоронили - ни капли крови не попало.

Это надо ох какую натуру иметь, чтоб довести до конца! За неделю собирался старик, не струсил, железной рукой свершил приговор над собой, чтобы не жить в неволе, в разладе с детьми, не выбирать безрадостно между ссылкой и коллективизацией.

Сын крепостного, рожденный после отмены рабства - он уже не был рабом. Человечество знает срок, достаточный, чтоб разогнулась спина - хрестоматийные 40 лет Моисея. Опыт моего рода явил тому новейшее подтверждение: прожив полвека на вольной земле, люди стали гордыми. А может, и раньше плохо умели гнуться - в поход ведь сильные шли, самостоятельные, кто рассчитывал трудом, а не лакейством прокормить себя и семью.

Клишинский корень

Жуковы и (особенно) Клишины были справные хозяева, крепкие и рослые люди. Жили, как правило, не меньше 80 лет. Клишинский корень отличался

немногословностью, медлительностью, физической силой и необычайной основательностью. Самые лучшие лошади, самая справная сбруя, прочные постройки были у них. Жили они весьма зажиточно, и женщины Клишинской фамилии слыли первыми на деревне модницами. Вообще, дух первенства и самоуважения отличал их. Пожалуй, они относились к высшему слою крестьянского общества Золотухи.

Тарас - кулачник

Человеком непомерной силы был Тарас Григорьевич Клишин. Уже при жизни он стал живой крестьянской легендой. Даже и в почтенном возрасте участвовал Тарас в кулачных боях. Вот семейные предания, скорее всего, несколько приукрашенные. Впрочем, как известно, о незначительном не слагают легенд.

По зиме, как только река Золотуха с т а н о в и л а с ь, село пробирали токи возбуждения. "Пора, робята, на кулачки!.." Русские собирались против хохлов. Была какая-то необузданная удасть, какая-то избыточная сила в этой жестокой забаве. В воскресный день к реке валил волнующийся народ. Вот стайками на лед выскакивают мальчишки, выгибают груди, как воробьи - с берега их подзуживают. "Ерошка, а ну! не слабо Илюхе вдарить?" - и вчерашние приятели уже сцепились, волтузят друг друга кулаками и колганями (лбами). Кто-то из мальчишек упал, но обычай строгий - лежачего не бить, нож и кистень не брать. Маленькие хохлы потеснили русских мальчишек - и тут же на помощь спешат парни постарше. "Ах, так!" - с украинской стороны на лед стрелой летит подмога. Река, степь огласились криками, сопеньем, треском разрываемой одежды. На льду заалели первые пятна: кому нос раскровянили, кто сплевывает из-под сочащейся десны соленую слюну. Там сцепились на поясах, здесь бьют сплеча - каша! Постепенно в дело ввязываются молодые мужики и, наконец, главная ударная сила - зрелые мужчины, опытные кулачные бойцы. И пошла потеха! - что тут подбитый глаз - зубы да кости бы сохранить.

А дедушка Тарас по бережку похаживает, на битву искоса посматривает. Но вот погнали наших. Тут уж ничего не поделаешь, и ему пора вмешаться, уж и бабы кричат со всех сторон: "Тарас Григорьевич, подмогни!". Вздыхает Клишин, оправляет свой кафтан под поясом, шубу, шапку сбрасывает, остается в безрукавке, рукавицы надевает - и пошел! (Без рукавиц-то биться опасался, больно тяжелый у него удар был; "гостинец хороший", - говорили люди.) А как пошел, в ту самую секунду среди хохлов шелест несется: "Тарас Клишин на льду!". Он и кулаком не махнет, а

противники уже попятились. За церковь столкнули - победа!.. Знаменитый был кулачник. Идет, бывало, а за ним толпа валит ...

Как-то раз вызвали его в Семипалатинск на ярмарку - специального вестового прислали. Приехал Тарас - а там, в борцовском цирке, американец выступает, известный цирковой боксер. И всех, кто ни пожелал с ним силой померяться, всех побил, вот и послали за Тарасом - обидно, значит, нашим стало. "Ну, кто еще хочет против меня?" - Никто не хочет. Смеется американец, тут-то Тарас и вышел на круг. Глянул на него боксер, удивился: пожилой мужчина, роста среднего, правда, плотный, но сам-то американец был и моложе, и выше, и руки длиннее. "Неужели хочешь со мной драться, старик?" - "Хочу, - ответил Тарас. - Да скажи только, дети маленькие у тебя есть?". Перевел иностранцу толмач - тот рассмеялся пуще прежнего. "Зачем тебе, старик?" - "А ну, как покалечу?" - Тут уж боксеру иноземному стало не до шуток. Нахмурился, набычился, закричал: "All right ! Как будешь драться, в перчатках или без?" - "Нет, давай уж в перчатках, а то голым кулаком, боюсь, убью я тебя", - сказал Тарас.

Американец бил первым, и крепко бил, со злостью, попал в голову. Сказывали люди: пошатнулся Тарас Григорьич. Но устоял на ногах, а потом уд-дарит в ответ! Рухнул боксер как подкошенный. Так в себя и не пришел - на носилках унесли. Вот каков был Тарас Клишин ! Да, редкий кулачник, что ни говори.

Сыновей своих, Архипа и Петра (трех девок еще имел - Веру, Хавронью и Надежду, да они не в счет) к силе приобщал так: заставлял телочка обносить вокруг двора утром и вечером. Двор хоть и большой, но теленка, только что родившегося, пронесешь, не развалишься. Расчет был прост: если ты утром теленочка пронес, то и вечером поднимешь. А раз так, то и на следующее утро, коли выспался да поел как следует. Теленок знай себе растет помаленьку, лето прошло - уже тяжелый бычок. С ним и сила сыновняя наливается.

Крепкие были ребята, но разные: Архип широк в плечах, высокий как отец, а Петрушка не такой, пониже ростом, поскромнее статью. Однажды он со двора навоз вывозил, и телега по ось ушла колесом в раскисшую грязь. Хлещет Петр коня, тот рвет постромки, жилы вздулись на шее, но не может телегу выдернуть - больно тяжела. Шел по двору Тарас Григорьич, увидел да как гаркнет громовым голосом: "Петрушка, что ты делаешь, бисов сын? А ну, выпрягай коня!". Взялся сам за оглобли, примерился, дернул раз-другой, раскачал и ка-ак рванул со-с хрипом. Вытащил! Перевел Тарас дух, вытер пот со лба и говорит сыну с укором: "Дурак ! Разве так можно? Я насилу вытащил, а ты коня бьешь!"

Умер дед Тарас в 1921 году в возрасте 74 лет. Читал на ночь Библию при свече, да вдруг разжал руки, книга святая упала на грудь... Хорошая смерть, говорили старики, легкая.

Откуда имя украинское в русской семье? Не ведаю, а только когда у моего родного брата Игоря первенец появился, я, не раздумывая, отбил телеграмму: "Тарасом назови". Подрастает теперь в Иркутске преемник славного имени - через 4 колена на пятое возродилось оно в нашем роду.

Справка (из переписи 1917 года /ГААК, ф. 233, оп. 1-б, дела N 556-562/):

Клишин Тарас Григорьевич, 70 лет, русский, крестьянин приписной, наделный, переселенец из Тамбовской губернии (1884), в Золотухе с 1884 года, наделов душевых - 3.

Семья	Имя	Возраст	Умеет читать, писать
Домовладелец	Тарас Григорьевич	70	+
жена	Матрена Николаевна	70	
сын	Петр	39	+
сноха	Наталья Степановна	38	
внук	Иван	18	+
сноха	Анна Ивановна	18	
внук	Андрей	3	
внучка	Мария	12	
внучка	Александра	8	
внучка	Анастасия	6	
внучка	Анна	1	

Семья - без взрослого Архипа и выданных замуж трех дочерей - состояла из 11 едоков. Обратим внимание: ровень по возрасту женились.

Характеристика хозяйства

Лошадей	9
крупного рогатого скота	14
овец	20
свиней	2
Под посевами занято казенных десятин (2400 кв. саж.), в том числе:	29 (все - на своей земле),
- яровой пшеницы	16
- овса	12
- льна	0,5
- конопли	0,2
- картофеля	0,3

Сенокос	511 копен на залежной пустоши
Землевладение	усадыба 0,5 дес
пашня	24 дес
Аренда	20 дес. у кр(естьянина) Зол(отухи), яр, до передела, условия денежные
С/х инвентарь:	
- плуг многолемешный	1
- бункер с сеялками	1
- бороны железные	5
- косилка	1
- конные грабли	1
- жнейка-лобогрейка	1
- веялка	1
- телеги на железном ходу	2
Кооператив	ар.л. Зол(отухи), с 1911-13 гг.

Смерть Архипа

Тарас умер смертью праведника, а вот сыну его, Архипу, досталась смерть мученическая. Стал Архип в Революцию коммунистом, и его расстреляли белогвардейцы. "Как налетели белые на Золотуху, - сказывала Агафья Петровна, - те, кто помогал партизанам, стали убегать да хорониться. Петр Калиныч, мой отец, ночью был застигнут на заимке, но успел убежать на двуколке, оторвался от погони. А Архип Тарасович спрятался возле дома, в кладях пшеницы. Весь дом перевернули беляки - его нет. И тут один догадался спросить у малого внучонка, несмышлениша: "Где твой дедушка?" Простодушное дитя подняло свой пальчик на погибель деду. Как разворошили пшеницу, всего и успел Архип, что сказать: "Эх, сынок..."

"Когда белые приходили, они нашему родственнику буравили спину шашками, он сильно кричал, а потом застрелили. Мы напугались, плакали" - рассказывала Зинаида Спиридоновна Клишина-Горбачева.

Взяли в селе семерых большевиков, расстреляли на площади, против церкви (народ сгоняли смотреть), тут же и похоронили в братской могиле. Я знаю еще одного из расстрелянных - Шуваева по фамилии, из флотских он был, после службы, местный. А белыми командовал офицер Ситников (по другой версии, Ситников был один из казненных). Вечером, после расправы, беляки "нажрались самогонки, перепились все..." Было это в 1918 году, Агафье Петровне, живой свидетельнице события, семи лет еще не исполнилось.

Справка (из переписи 1917 года):

Клишин Архип Тарасович, 45 лет, русский, переселенец из Тамбовской губернии (1879 - ошибка?), в Золотухе с 1879, приписной крестьянин.

Семья	Имя	Возраст	Умеет читать, писать
Домовладелец	Архип Григорьевич	45	+
жена	Марфа Никитична	45	
сын	Федор	25	+
сноха	Соф(ья) Алекс.	25	
сын	Прокопий	23	+
сноха	Мария Арт.	23	
сын	Илья	21	+
сын	Андрей	16	+
внук	Петр	1	
внук	Егор	7	
внук	Вячеслав	2	
внук	Иван	5	

Характеристика хозяйства

Лошадей	14
крупного рогатого скота	13
овец	19
свиней	4
Под посевами занято казенных десятин (2400 кв. саж.):	36 (16 - на своей земле, 20 - на арендованной)
Сенокос	400 копен на залежной пустоши
Землевладение	усадьба 0,5 дес
пашня	40 дес
Аренда	20 дес. у крестьян Золотухи, яр, до передела, условия денежные
С/х инвентарь:	
- плуг одноолевый	1
- бункер	1
- бороны железные	17
- косилка	7
- жнейка-лобогрейка	1
- молотилка	1
- телеги на железном ходу	3
Кооператив	ар.л. Зол(отухи), с 1911-13 гг.

Судя по переписи, сыновья Федор, Прокопий, Илья и сам Архип в 1917г. не участвовали в с/х работах, вероятно, были в армии. Таким образом, белые расстреляли отца 4-х сыновей и дочери, имевшего 4-х внуков и внучку, крепкого красивого человека в расцвете лет. Архип Тарасович Клишин был одной из первых жертв рода в революции и последующем наступлении социализма в стране. Нашу фамилию не миновали никакие исторические потрясения и перемены - я постараюсь показать это позже.

А вот и другой взгляд на тот памятный налет. Рассказывает Агафья Петровна Жукова:

"И у белых были люди хорошие. Их командир стояли на постое в доме Петра Калиновича. Мужчин не было: братья Дмитрий, Николай, Андреян, Семен были в армии. Подъехал военный: "Где мужчины?" -Мама отвечает: "Сыновья, не знаю, где-то служат." - "Знаешь, мать, мы будем у вас квартировать. Покажите дом. Я хочу девчонку угостить." Мать перепугалась: "Да что ты, сынок!" - "Ничего, ничего. А ты (обращается ко мне) угостишь бабушку и маму" - насыпал Агафье в подол конфет, пряники - много. "Мать, если кто захочет на постой, скажите, что Петухов занял." И действительно, подъезжали, а мама отвечала:"Здесь Петухов занял". Под вечер приехали двое, потом еще двое. Пришла пролетка, снимают кастрюли и понесли в дом: им уже приготовили. Они, видно, покушали. А мы перешли в амбарушку. Выходит белый командир на крыльцо с чугуном: "Дочь, ты донесешь домой?" Мама выглянула, замахала рукой: "Да что ты, сынок, не надо!" Он тогда солдату - "Отнеси." У Покатаевых, богатых, там была кухня, готовила для всех. И всегда Петухов угощал."

Первая Мировая и Гражданская

В 1914 году разразилась первая мировая война. Из Золотухи и окрестных поселков под рев матерей и сестер потянулись новобранцы - в окопы и на корабли Западного фронта. Назад вскоре пошли похоронки; возвращались покалеченные солдаты с Георгиевскими крестами и без оных.

Война тянулась долго, для нее подрастали новые рекруты. В мае 1916 года мобилизовали Дмитрия Петровича Клишина, сына Петра Калиновича. Шел парнишке в ту пору восемнадцатый год, но уже полгода он был женат на Варваре Степановне Стребковой. Первая дочка, Екатерина, родилась уже без молодого отца, 6 ноября 1916 года.

Дмитрий Петрович попал в пехоту, служил в составе одного из сибирских полков. После недолгого обучения - "в Тамбовской губернии, в исконных местах, там рядом родная тетка его жила, Анна Тихоновна, но он не знал" (Тамара Андреевна Жукова), его полк был направлен в район Брест-Литовска и участвовал в Брусиловском прорыве. Там их окружили; Дмитрий вместе со многими земляками-однополчанами оказался в германском плену. Сохранился его рассказ о фронте:...

Лежали в окопах, а недалеко уж немцы. Утром один выскочил на бруствер, видно, поляк, кричит: "Пан, доброе утро!" Будаев, земляк Дмитрия, прицеливается, выстрел...Убил. Дмитрия взорвало: "Да разве мы здесь только для того, чтобы убивать? Не человек ты."

Их поместили в лагерь для военнопленных в Эльзас-Лотарингии, пограничной области, где немецкая нация смешивается с французской. В заточении прошли полтора года. Вместе с сибиряками содержали пленных итальянцев, которых Дмитрий не любил, может быть, потому, что к "итальяшкам" немцы относились лучше, а может, были другие причины. "Мы с ними часто дрались", - сказал он как-то сыновьям. Впрочем, Мишке Рякину (товарищу по плену) итальянцы нравились.

К немцам Дмитрий Петрович относился весьма терпимо, научился в лагере объясняться по-ихнему. Его однополчанин Иван Масликов, из золотушинских хохлов, служил в плену у бакалейщика, не бедствовал. Это - лишние свидетельства тому, что пора жутких концентрационных лагерей смерти в Германии пока еще не наступила.

Пленников освободила Германская революция в ноябре 1918 года. На восток пути не было: на Восточном фронте шли бои, и русских солдат вывезли во Францию. Часть бывших военнопленных добровольно оставалась во Франции, где из них формировали воинские соединения ("русские бригады") и отправляли воевать с немцами. Версальский мирный договор 1919 года еще не был подписан.

Тех, кто не желал воевать, забирали на суда Добровольческого торгового флота, пришедшие из Владивостока. Начиналось полукругосветное странствие: из порта Марсель плыли мимо Африки, Маврикия, Индии, Сингапура, Китая, Японии - до Владивостока.

... Родные берега наконец-то вставали вдаль! Солдаты, охрипшие, небритые, в истлевшем на теле белье, обнимались, орали песни и плакали... Когда миновали остров Русский, на сопках стал явственно различим город, ранее скрытый завесой тумана. Пароход, сбавив мощь машины, медленно шел среди военных кораблей, торговых судов, стоявших у причала в ожидании разгрузки; юркие катера сновали мимо, сидящие на них люди едва взглядывали на оборванных солдат, высыпающих на палубу. Солнце показалось из-за сопки, первый луч брызнул на воду, бухта Золотой Рог слегка потеплела - как же, своих встречала...

Высыпали на берег по нестаявшему еще снегу, повалили в комендатуру. Родина! Некоторые плакали. На ночлег останавливались кто где. Многие завалились

спать тут же - на морском и стоящем рядом железнодорожном вокзалах. Последний километр земли русской! Первый - для них, ветеранов германской войны и плена.

Самые предприимчивые забрались в город, раздобыли самогонки. Иван Масликов и еще несколько нашли себе подружек в порту, ушли с ними в гетто: в бывших банях, в двух шагах от порта, была ночлежка. А город Владивосток - ничего, красивый: дома каменные, кирпичные, с колоннами, многие немцами в начале века выстроены, по улицам ходит конка. И не голодают. На рынке рыбы - завались, и крабы, и кальмары, жаль, денег нету...

Никто особенно не интересовался блудными сынами земли российской. А они стремились на запад, домой. Было начало апреля 1919 года, время сеять. Крестьян тянуло к земле. Пронесся слух: на берегу Амурского залива склады с оружием почти, без охраны. Пошли ночью, связали часового, вооружились новенькими винтовками и браунингами. Можно ехать!

Паровоз был под парами, на поезд шла оживленная посадка. Отпихивая мешочниц, Дмитрий Клишин, Масликов и еще несколько солдат пробрались в вагон, очистили себе место у окна. Тронулись - ночью. (В 1990 году я проехал на поезде от Владивостока до Иркутска, специально, чтобы составить впечатление о давнем путешествии деда Дмитрия. То, что я увидел, навсегда врезалось в мою память - *прим. авт.*)

За окном громыхал мост через Амур-батюшку... Вот это река! Сколько рукавов! Богатырь-река: разве Иртыш, хоть он и хорош, сравнится с нею? Волга, и та, пожалуй, помене будет...

Проехали Хабаровск, углубились в знаменитую сибирскую тайгу. Некоторые лихие головы порасшибало о конструкции мостов и камни туннелей: ребята были отчаянные, любили ехать на крышах вагонов. На разъездах к поезду иногда выходили крестьянки продать молоко, или охотник какой с подстреленными глухарями. Большой же частью деревни около железки стояли как неживые: боялись лихого человека; война гуляла и в этих местах Ради развлечения иногда палили из вагонов, впрочем, эту вольницу сами же солдаты быстро скрутили. Зато дорога была сделана на совесть - с крутыми поворотами, подъемами, длинными туннелями она внушала уважение солдатам, повидавшим Европу, проехавшим полмира.

В Забайкалье, на станции Петровский Завод, встретили поезд с белочехами. Тайга ранее невиданная, роскошная, глухая, необъятно уходящая вдаль голубыми сопками после недели пути сменилась лесостепью. Вся дорога от Владивостока до Байкала, вся эта часть Азии, увиделась Дмитрию вздыбленной землей, сплошь в

гористых складках, и живо напомнила родной Алтай. Случалось, что к поезду выходил сохатый, или олень, или зоркий глаз охотника различал на верхушке дерева таежную птицу.

Некоторые из боевых товарищей Дмитрия оказались из-под Иркутска, они рассказывали, какая здесь охота, рыбалка, какие грибные места и ягодные - брусника, голубика, облепиха, морошка...

По мере продвижения в глубь земли российской солдат охватывало беспокойство: домой! скорее домой! Дмитрий лежал на верхней полке, и картины детства проходили перед его глазами. Вот он в ночном: зыбкий туман плывет над лугом, кони всхрапывают невдалеке, страшные истории льются у костра - о бесах, заплетающих конские гривы в косицы, о русалке, которая заманивает в омут сладкими песнями; вот масленица - катанья вперегонки на тройках с бубенцами, жирные блины с маслом и медом, и - теплом пышет русская печь, и мать спует возле нее... Дмитрий сглотнул голодную слюну и повернулся на бок. Снизу раздался надсадный глубокий кашель: друг Тимошка зашелся, совсем плох, довести бы. Его бы в теплую постель, да откормить как след - после ранения да полугодичного путешествия, да последних голодных, холодных недель, да вшей - и жить не можется.

- Потерпи, Тимоха, уж Красноярск скоро, а там до Омска рукой подать...

- Скорей бы!..

В поезде вспыхнул тиф. Тех солдат, что слегли в горячке, оставили в Красноярске на попечение Красного Креста.

Рассудительный, спокойный Дмитрий Клишин еще во время океанского плавания стал за старшего. На него сама собою легла ответственность за молодых товарищей. Которые жили за Омском, упростили его проводить их до дома. Часть золотушинцев из Красноярска стала пробираться в Семипалатинск. Дмитрий же замешкался. Он вернется в Золотуху двумя неделями позже.

В Золотухе

К началу 1919 года многие из солдат вернулись в родные края. Пришли домой Кондратий Жуков, братья Поповы, Васька Стребков, а про Митрия не было ни слуху, ни духу. Молодая жена Варвара с тревогой металась по ночам на подушке, тосковала, бегала по домам, где лили слезы радости - в надежде узнать что-то о муже. Тщетно! Пропал, и негде узнать. Кто-то слыхивал, что стоял полк его в

Тамбове, воевал в Польше... Просочились известия о плене. И все, и дальше полная неизвестность.

Болело сердце у Евдокии Тихоновны. Митя был ее любимчик. Уже вернулись старшие сыновья - Андриян, Семен, Николай, а его все не было. Маленькая Катя тянула к бабушке свои ручонки, ей два с половиной годика, а отцовская ладонь ни разу не провела по ее головке.

Молнией пронеслась по деревне весть: в Локоть приехали солдаты из германского плена. Да притекли как-то чудно - с Владивостока. И вроде один солдат, по фамилии Будаев, знает о Дмитрие. Евдокия Тихоновна, Петр Калинович и Варвара бросились к нему. "Помер ваш Дмитрий по дороге," - был ответ. Опустились материнские плечи, затряслись от беззвучного плача. Заголосила Варвара.

Дальше - вот такая семейная легенда.

Не просохли еще первые слезы, как привозят в дом к Петру Калиновичу записку из Локтя, от другого солдата: "Я был с Вашим сыном, приезжайте, расскажу об нем". За Успенку только доехали - идет по дороге пожилой татарин.

- Далеко ли до Локтя?

- Садись, подвезем.

Видит татарин - мать не в себе.

- Можно, я вам погадаю? - спрашивает он и вынимает из кармана бобы. - Едете за хорошей вестью. И слово, к кому вы едете, скажет и бумагу даст о вашем сыне".

- Сын же наш умер!

Глянул на мать татарин, улыбнулся и сказал:

- И встретишь ты его первая, в такое время как ты его и не ждешь.

Что уж они испытали по дороге в Локоть - передать трудно. Ехали, молились, надеялись и теряли надежду. Нашли наконец того солдата, а он: "Я уж 2-3 дня вас жду". И рассказал, что Будаев помутит, что неправда, будто Дмитрий умер, он повез солдат проводить, и кланялся, и велел письмо вот это передать. Радость-то была, Господи!

А недели две спустя - мать копалась в огороде, выпрямилась от грядки, посмотрела - вдали человек идет по дороге - далеко, кто - не разобрать. Заныло у нее в груди, пошла она навстречу, сначала медленно, неуверенно, потом все быстрее. Потом - бегом. И человек побежал. Тут уже видно: Дмитрий!

- Мама!

Упала она к нему в объятия, гладит по плечу, по бороде. Узнать его трудно: худой, заросший, с мешком за плечами, в длинной шинели, местами прожженной, и пахнет от него дымом, дорогой, немывтым телом.

Дома - переполох, баня, стол, родственники, самогон, рассказы про плен, расспросы: "а вы-то как тут?" Варвара, счастливая, лицо красными пятнами, сидела рядом с мужем, и прижималась к нему, а мать не знала, чем его накормить-приласкать... Семилетняя Агафья не сводила с брата глаз, узнавала и не узнавала - так возмужал, повзрослел, скулы резко обозначились, и черты и повадки - крупные, клишинские, мужские ... Братка вернулся! Братка вернулся!

Ганя учится читать

Маленькая Ганя страсть как хотела научиться читать. Ванька, Семенов сын, уже в церковну школу пошел, а ен Гани на год моложе. Почему девочек в учению не отдают? Хочется!

- Ваньша, дай букварь!

- Не дам

- Ну, Ванечка, миленький, дай хоть одним глазком! А я тебе головку сахарну принесу.

Уломала Ваньку. Тот принес - "смотри мене, к воскресенью возвернешь": Ганя рада! Забилась в уголок, листает картинки диковинные - букварь тот дядя Семен из Расеи припер, цветной, красивуший! Только кто подскажет, как буквы прозываются?

Стала Гаша подслушивать, как азбуку в церковной школе хором повторяют. Запоминала, какая буква за какой.

Опять выпросила у Ваньки букварь - на этот раз за горсть конфет. Теперча знает, что буковка "а" первая - отыскивает ее в алфавите и запоминает, а дальше уже по всем страницам опознает. Потом "б", "в", да так все буквы и выучила.

А здесь и братка с фронта возвернулся. Открывает она букварь - там девочка нарисована, пуховой шалью повязанная, и буквы *ф...н...я*.

- Братка, братка, смотри, буквы все знаю, а вместе не соберу...

Глянул Дмитрий, ахнул:

- Мама, а ведь Ганя у нас уже 1-й класс прошла. Ну, сестрица! - подивился он, и стал объяснять, как будет по слогам: "ФЕ - НЯ".

Так и начала читать Агафья. Люди дивились: это ж надо так выучиться!

Переезд

Летом 1919 года Гражданская война вовсю громыхала по Сибири. Адмирал Колчак обосновался в Томске, его отряды сновали недалеко - в Семипалатинске, в Усть-Каменогорске. Основные бои между белогвардейцами и красными партизанами шли в Зырянске, на станции Риддер, в Бийске и дальше - в Горном Алтае. Но война войной, а земля землей. Крестьянин должен сеять и убирать хлеб. Ему воевать некогда.

Золотушинские солдаты впряглись в привычный воз, и разогнулись от земли лишь когда все зерно было скошено, обмолочено, ссыпано в амбары. К осени сошлись старики и решили: чего нам зря мотаться на заимку, все равно поля там. Перебираемся! Распределили, кого за кем перевозят, и тронулись из Золотухи. (Три семьи - Жуковы, Клишины, Стребковы начали перебираться уже в 1918-м. А в 1919-м поехало много семей - *прим. авт.*). Так началась деревня Горновка.

Маленькая Ганя сидела на тюках, держа в руках котенка; и босые ножки свешивались наружу. Стояло бабье лето, зимородок пел в кустах, паутинки неслись в прогретом воздухе, налево и направо желтела стерня скошенных хлебов. Впереди, с вожжами в руках, вел подводу братка, сзади ехал Петр Калинович, за ним - брат Николай. Корова Пеструшка, привязанная к подводе Николая, брела следом.

Гане было весело смотреть, как проплывали мимо перелески, как влеклись быки за их караваном, как нырял в кусты и показывался вновь, уменьшаясь “в значеньи и в теле”, купол церкви с крестом.

Остановились покормить маленьких и отправились снова: надо было спешить, дел невпроворот.

Показалась высокая двугорбая сопка посреди равнины. Заимка! Мимо бочажка, по которому журча, струилась ключевая вода, мимо аллеи из ветл, посаженных дедушкой Калиной и другими Клишиными, мимо огородов соседей проскрипели к своему дому. Здесь уже ждали уехавшие раньше - сестра Дарья с мужем, мама...

В новом доме хлопотали по устройству. Вносили тюфяки и перины, зеркало, купленное на ярмарке в Семипалатном, посуду и утварь. Варвара поставила перед зеркалом маленькую серебряную шкатулку, которую Дмитрий привез ей в подарок из Германии, сохранив каким-то чудом в дороге.

В угол повесили образа и лампадку; Евдокия налила масло особое, затеплила фитиль. Его зажигали только по праздникам, но разве ж сегодня не праздник?

- Дуняшка, голубка, - попросил Петр Калинович жену, - завари нам чайку из вишневого листа.

- Знаю, знаю, отец, - улыбаясь отвечала она.

Хорошо жили старшие, души друг в друге не чаяли. Петр был крепким пожилым человеком, немногословным, добрым: на его седеющей бороде вечно висел кто-нибудь из маленьких детей: внуки и младшие дочери были ровесники. Евдокия Тихоновна в свои 60 лет не выглядела бабушкой: свежая, плавная, она была душой дома. Ходила в кофточке и длинной темной юбке; по ткани пущены были продолговатые листья. Глаза из-под платка смотрели с тревогой за свое семейство.

Петр Калинович и Евдокия Тихоновна, знали друг друга еще до переселения из России, жили там они в одной деревне. Евдокия была на 5 лет моложе Петра. Сошлись они в 1894 году, уже похоронив своих первых супругов. У него от первого брака осталось четверо детей, у нее - двое; вместе они нажили еще четверых: Дмитрия, Кристину, Евдокию и Агафью. Между Дарьей Михайловной и Агафьей Петровной, сводными сестрами, рожденными одной матерью, было 29 лет разницы. От Дарьи пошла многочисленная ветвь Иштокиных; от Матрены Михайловны - ветвь Каряновых.

Новоселье

Жить в Горновке начали все вместе: едоков было 14 человек. К осени Клишины закончили перестройку дома: на месте небольшой избенки поставили хороший сруб-пятистенок о четырех окнах, смотревших на улицу, расширили двор. В дом вела высокая галерея, на которую поднимались по крылечку. Галерея огибала дом, с его тыльной стороны была дверь в первую комнату. Слева от двери простиралась большая глинобитная русская печь, ее жерло смотрело в левое окно. Справа располагалась "родительская" кровать, на ней спали Евдокия Тихоновна и Петр Калинович. У правого окна стоял большой семейный стол, к нему подставлялись скамьи, когда к обеду или ужину сходилось много народу. Между кроватью и столом была дверь в горницу. Здесь, по левую руку, у окон, располагались кровать Агафьи Калиновны (бабушки-монашки), самодельный диван с перилами, окованный железом сундук; в углу висели образа. По правой стороне стояла кровать Дмитрия Петровича с женой. Дети спали - кто на сундуке, кто с родителями, кто на печи. Для младенца вешали на крюк люльку.

Крыша дома была крыта тесом; плоский навес большого двора - соломой. Во дворе было темновато. Парадные ворота располагались по правую сторону от дома, между ними и крылечком скрипела калитка. Войдя в нее, гость видел верстак под галереей, где хозяин выполнял столярные работы. Справа от ворот устроили летнюю кухню, в которой Петр Калинович зимой валял валенки - вставал рано-рано, часа в три, чтоб к свету валенки были готовы. К кухонке примыкали кошар (загон для овец), коровник, свинарник и конюшня. Погребница находилась в другом углу крытого двора и примыкала к тыльной части дома. На чердаке ее обычно хранился всякий инструмент. Вторые ворота, "рабочие", располагались напротив парадных, - выходили в огород. Через них завозили сено, кизяк, всю продукцию матушки-земли. Птичник был устроен прямо над рабочими воротами под крышей "домиком". За двором простирался большой огород, перед ним слева серели две саманные мазанки, справа располагалась рубленая баня - популярное место: здесь и мылись, и стирали, и воду иногда грели к отелам...

Около бани виднелась крышка выкопанного в земле ледника. Зимой хозяин забрасывал в яму чистого снега, поливал водой. К лету ледник плотно закрывался, в его медленно тающем чреве отлично сохранялись мясо, масло, молоко и сметана. Да и прочий домашний запас хранился в леднике подолгу...

Опять война...

Спокойствия в тот год не дождалось. В октябре боевые действия на Алтае активизировались. По селам и заимкам поскакали вестовые - поднимайтесь, мужики, за Советскую власть!

Трещали головы у золотушинских, горновских, березовских, антошихинских, локтевских крестьян... Как быть? Боевых людей, прошедших Мировую войну, было много, да на кого оставишь семью, хозяйство? Все были в смятеньи. Ходили друг к другу, спорили до хрипоты. Слушали агитаторов-большевиков: Советская власть обещала землю отдать навечно! Поддержим Ленина!

Наконец, горновские решились. В октябре, еще не полетели белые мухи, стали собираться. Поехали в Шемонаиху: Дмитрий на своем сибирском коне, Николай Попов, Алексей Прибытков, Григорий Мазницын, Федор Мачнов, Василий Жуков, Иван Попов, Василий Лукьянов. Иные шли верхами, большая же часть - пешком. Горновских зачислили в состав 20-го Шемонаихинского полка 4-го партизанского корпуса под общим командованием Мамонтова и Козырева, и сразу же включили в бои под Зыряновском.

Буран в степи

"Мело, мело по всей земле, во все пределы..."

Ветер завывал в печной трубе, тоненько свистел в щелях ворот, ухал глухими снеговыми зарядами. Его нескончаемая, заунывная работа продолжалась третий день. По утрам приходилось откапывать калитку, чтобы выйти по воду или, пригнувшись, пробежать к свояченице за солью. В такие дни все старались сидеть дома: всего и забот-то крестьянских зимой - скот да птица, а они - рядом, через крытый двор. К ночи, когда ни месяца, ни звезд не видно было сквозь в заиндевевшее окошко, дети крепче жались к бабушке, собравшись у печки, смотрели на огонь. Евдокия рассказывала им сказку.

Петр Калинович свесил с печи ноги в валенках, слез, покряхтивая, погладил по головке маленькую Катю, одел тулуп и взялся за дверную скобу.

- Опять жечь пойдешь? - тихо спросила жена. - Неуемный...

- Жалко, Дуняшка! Может, и наш сынок в дороге...

В буранные ночи Петр Калинович забирался на крышу и разводил огонь из скрученных соломенных жгутов. Ветер не мог его задуть. Светлячок этот служил своеобразным маяком для сбившихся с дороги путников. Время от времени старик спускался вниз, отогревал замерзшие руки, выпивал чаю, и снова карабкался по лестнице на свой добровольный пост.

Под вой и свист ветра дети уснули, легла Варвара, к полуночи забылась и бабушка. В жарко натопленной избе ворочались, вздыхали, время от времени кто-то из ребятишек вскрикивал во сне, тогда раздавался шепот бабушки:

- Спи, миленький, спи, голубчик! - и все стихало.

Варвара лежала с открытыми глазами. Она была беременна вторым ребенком; его горячие толчки не давали ей уснуть. Мысли текли отрывочно: вспоминалось давнее мирное время, когда девушками гадали себе суженных на святки, а то - сватовство Дмитрия: Евдокия и Петр пришли к ее родителям, а она, с бьющимся сердцем, поглядывала из-за занавески. Митя, муж мой любимый, где ты теперь? Только и пожили вместе - несколько месяцев. А плакать, тебя ожидая доводится больше трех лет... Варваре почудилось: будто конский храп! Ворота заскрипели или это ветер? Качнулась занавеска: Евдокия приподнялась.

- Вы не спите, мама?

- Кажись, приехал кто?

Скрипя отворилась тяжелая дверь, на пороге стоял, весь заметенный, облепленный снегом, - он, Дмитрий! "Здравствуйте, мама! Жена, собирай на стол!"

Дмитрий приехал не на короткую побывку: в боях у перевала Чикатаман он серьезно заболел, несколько дней валялся в горячке на зимовье алтайцев неподалеку от Чуйского тракта, и с первой оказией был отправлен домой. По дороге их конную группу несколько раз обстреляли; от недоедания и слабости Дмитрий еле держался в седле. После Бийска свернули с большака, прошли на рысях до Рубцовки и на подходе к Змеиногорску попали в буран. Был выюжный февраль 20-го года...

Женщины затопили баню. Пока веселый огонь, гудя, прогревал каменку, мужики вели негромкий разговор, собравшись у стола при свете керосиновой лампы.

- Ну, сынок, как вы там?

- Воюем, батя. Шашек наших много ...

Дмитрий рассказал про то, как соседа дядю Матвея изрезали ножами, какой бой шел у Гусиной пристани, как белые у Верхнего Уймона рубили шашками большевиков и тела сбрасывали в быструю весеннюю Катунь у скалы Притор, а потом красные в отместку прошлись по долине пожарами да казнями, как в горных деревнях брат идет на брата, сын на отца, сосед на соседа.

- У нас тако же деется, сынок. Вчерась Григорий Мельканович, сучий сын, опять гулял по деревне, к Левонтию Жукову заходил, пужал сильно.

- А чо он?

- Дак он, едрит его кочерыжку, помнишь как ездил по заимкам с брантом-охвицером, и урядник с имя же, большевиков искали... Левонтия дома не было, они и хвалились что если бы застали дома, то расстреляли.

- А шшас?

- Опять прошелси, зараза, полицай колчаковский. Левонтий-ить опять утек. А ен к Гришке Сибякину, другой человек - с винтовкой, с наганом. Гришку, сказывают, тоже не застали, а начали на жену жестоко наступать, чтоб отдала им самогонку. А она им поотказывала, что самогонки нет, тогда тот вооруженный взял наган в руки и говорить: "Даешь, иначе душа вон". Баба, натурально, испужалась, тогда Мельканович засмеялся, и полезли обое в ейный сундук, где перекопали все и конечно не нашли, ну и оставили ее в покое. Апосля того нападения она теперь лежить и еще пуще болееть.

- Ишь, гад, никак значит, не успокоится? - у Дмитрия сжались кулаки. - Мне еще Васька Стребков сказывал, как Григорий Лаврентьевич преследовал его, а так же насильно отправлял в самую распутицу в армию Аннинкова с подводами. Так Ваське приходилось через Иртыш вплавь переправляться. А возвернувшись оттуда,

его по инициативе Мелькановича арестовали и сунули в Змеиногорскую тюрьму, а оттуда в Усть-Каменогорскую. И Васька там сидел три с половиной месяца как большевик, а оттуда сбегал во время раскрытия тюрьмы, чтоб спасти свою жизнь (Эпизод подлинный - ГААК, ф. 3-646 оп.1, дело 212 Мелькановича Г.Л. - заявление Стребкова Василия Михайловича)

- Ну ладноть, мы с ним еще сквитаемся! - Дмитрий закашлялся.

- Успокойся, сынок, пойдем, в баньке погреемся.

В жарко натопленной бане налили горячей воды в деревянную шайку, плеснули квасу на раскаленные камни - пошел ароматный, бдагословенный хлебный дух, - и стали прохаживать друг друга мочеными в кипятке березовыми вениками. Отец не уступал сыну в парной стойкости.ни были похожи телами - ширококостные, могучие - и не спеша перемещались в пару как два больших сильных зверя, крякали, хлестались всласть. Баня была им наградой за все испытания жизни.

Когда, распаренные, красные, обессилившие, вошли в дом, Варвара протянула им по ковшику холодного пузырьчатого квасу, настоящего на специальном хлебе и изюме.

- Ух ты, - переведа дух, улыбнулся Дмитрий. - Крепок, в нос шибает.

На столе стояла хрустящая квашеная капуста, огурцы, грибочки, дымились вареная в чугуне картошка и сладкая томленая каша с калиной, чернел порезанный крупными ломтями теплый домашний хлеб, потела самогонка в стеклянном штофе. Налили в граненые стаканчики, выпили, крякнули, обтерли усы, закусили ароматным салом. За окном светало, ветер как будто стихал.

- С возвращеньем, сынок. Отдыхай покедова. Иди, иди к жене, заждалась она тебя.

К чалдонам

Боевые действия в Сибири, на Алтае, в Забайкалье продолжались. Золотушинские, горновские, ермошихинские мужики шли - кто за красных, кто за белых, смотря по тому, чей агитатор крикнет громче, скажет слово убедительнее. Все-таки красные постепенно брали верх, оказывались горластее и обещали больше.

В горах действовали семеновцы, эсеры... На зиму уходили в Китай, потом возвращались. Из уст в уста передавали по селам известия о зверских жестокостях как с той, и с другой стороны. Гражданская шуток не шутила. Перемалывала людишек.

К весне бойцы, кружившие по окрестным хребтам, прятали винтовки и брались за плуг. Пора была тревожная. Многим приходилось держать в руках и косу, и оружие одновременно. С потоком беженцев приходили известия из России - из Москвы и Петрограда, с Дона, Урала.

Ярмарки в Золотухе и Локте прекратились... В Семипалатный ездить было небезопасно. Лихолетье гремело над землей крылами!

По осени собрались к чалдонам - лесным людям, что жили километрах в 70 от Горновки. Там начиналась настоящая тайга. Ехать далече; встали затемно, поели горячего, и - в путь. Везли туда обоз сена: первым возом правил Кондратий Кузьмич Жуков, потом Василий Стребков, потом Карянов, далее братья Клишины - Дмитрий, Николай и Андриян. Винтовки лежали тут-же, на возах.

Женщины сидели наверху, на сене, лузгали семечки. С первой подводы то и дело доносился залиvistый смех: Наталья, жена дяди Кондрахи, задорная задастая баба, радовалась своим же шуткам. Муж покрикивал на нее: мало ли кто встретится в пути... Остальные говорили вполголоса. Ганя Клишина зябко куталась: ее, маленькую, брала дрожь; чутко всматривалась в длинные косматые тени, отбрасываемые кустами. Светало. Прохладная широкая степь оживала голосами птиц... Полгоризонта охватило красное зарево; перистые облака будто бы сходились лучами в точку наибольшей светимости, откуда должно было появиться солнце. Вот оно! - чистый, четкий край белого диска показался из-за волнистой линии горизонта; и дружно зазвенел навстречу светилу весь божий мир. Люди приободрились, заговорили смелее.

- ... я и говорю: не вози, Пелагея, муку одна, бандиты отберут. И отобрали. Хорошо, хоть в живых оставили. Потом их наши споймали. Это беглые солдаты бандитствовали. Я им говорю: Ну и чего вы добились?

- И это еще не так страшно, что продукты воруют, страшно, что сено жгут, хлеб жгут. От что мене возмущает до крайности...

- Василь Михалыч, брось тоску на людей наводить, - закричала сверху Наталья Жукова. - Лучше расскажи, как ты по-геройски через Иртыш на коне плавал.

Все засмеялись: было известно, что Ваську Стребкова гонял Мельканович. Бросились вспоминать - у кого какие случались переправы...

Кондратий Кузьмич был мужик нрава строгого, но справедливого. А вот - перед женой, хохотуньей и плясуньей, - слабел нередко... Наталья умела играючи, по-женски обтекать скалистые выступы его сильной, неуступчивой натуры. Бывало, отмерит Кондратий мяса на день: это сварить, и не больше! - согласится Наталья,

глаза свои огненные спрячет, пойдет в сени за костью для супа, плывет мимо мужа - еще и покажет ему: "вот, мол, все как велел!", а у самой под юбкой еще кусок припрятан. Нередко влетало ей за это, зато уж, ежели кто чужой в избу зайдет, Кондратий доволен: у хозяйки всегда найдется, чем гостя попотчевать.

Злые языки, правда, поговаривали, что Наталья не всегда была верна мужу, особенно в те поры, как он в армии служил. И Семушка, старший из трех сынов, вот он здесь, рядом сидит, смирный, милый такой, нежный, как девочка - сказывают будто бы и не Кондратья сын, а Гордея Иваныча, служителя Золотушинской церкви. Впрочем, чего люди не болтают! В деревне только дай язык почесать - много охотников найдется.

...В тайгу, к чалдонам, приехали поздно вечером. Заночевали у подвод, наутро начался торг. Сено и соль, масло и лен обменяли на грибы, ягоды, таежную птицу, дичь, лесной мед. Мужики рубили осину на черенки, оглобли. Бабы ломали черемуху: пирогов напечем! На другое утро обоз отправился обратно. Приехали довольные, что дорогой все обошлось.

Святки

Наступила чудесная пора святок. Тяжкие крестьянские труды были позади... На святые вечера работать не полагалось. В довоенную пору воскресеньями сходились на кулачки. Теперь святки проходили не столь шумно, но все же девушки гадали ночами, и волшебство витало в воздухе, неистребимое как человеческие надежды на лучшее.

Наталья Жукова вышла по воду, посудачила у источника с соседками, и пошла, не спеша, свежая? румяная, плавной своей походкой. Легкий, чуткий утренний туман окутал все окрест. Деревня стояла тихая, прикрытая свежеснеженным, белым, влажным снегом. Крыши домов и сараев потели, увешанные мелкими сосульками, дымки курились над кровлей.

Наталья услышала визг и смех: мальчишки Лукьяновы, выскочив со двора на улицу, затеяли бросаться снежками.

- А ну, мальцы, давай слепим снежную бабу! - Наталья поставила ведра на снег. Мальчишки остановились, смотрели на нее.

- Ну, Васичка, чо стоишь?

Катали снеговые шары голыми руками: у мальцов руки горели, огненный холод проникал внутрь, до самых косточек. Отогревали ладошки под мышками, и снова за дело.

- Больше, больше катай!

- Хватит, тетя Натаха!

На большой снежный шар установили другой, стали набрасывать снежку на талию, укреплять и разглаживать. Наталья накатала голову, вылепила ее островерхой, как бы в платке, водрузила на туловище и, напевая, принялась вылепливать щечки, время от времени дуя на озябшие пальцы.

- Кастрюлю на ее, кастрюлю!

- Каку те кастрюлю, не вишь - платок у ее ...

Васичка нырнул во двор, вернулся с морковкой для носа. Наталья веточками выгнула бровки, потом улыбающиеся губки, воткнула поперечные веточки - получились веселые морщинки. Подбавила снегу на груди, приладила яблочко на ветках - вышло ожерелье. Из мелких угольков сделали пуговицы и обшивку кофточке, а юбку оторочили жемчужными сосульками. Парочка у бабы получилась что надо. Снеговая красавица стояла кокетливая и улыбалась.

- Наш вам поклон, Наталья Карповна!

- Ой, - вздрогнув, обернулась женщина. Перед нею подбоченясь, стоял кум Прохорка, Прохор Васильич Шуваев, муж сестрицы Марьи.

- Пошли на гору кататься?

- Напужал, кум! - Куды мне, по дому не управилась.

- А ничо, к вечеру справится! Приходи, весело будет!

В январе вечерееет рано: не успеешь оглянуться, уже и сумерки, а там синий вечер развешивает звезды над сопкой. На макушке горы царило оживление. Мальцы сигали вниз на санках или листе железном, взрослые парни тащили на гору настоящие сани. Кум Прохорка командовал: "Садись, Андрейн Петрович, и ты, Христинья Петровна. Все, девки, залезай Федька, держишь? Погодь! Выворачивай оглобли. Толкай. Вали, ребята!" - и неслись визжащей кучей вниз: разбегайся! Берегись! Скорость нешуточная, ветер в ушах так и свищет, гора удаляется, а сани несутся в степь километра за полтора. К вечеру подморозило, наст, выглаженный ветрами, жестко, хрустко, звенит под полозьями. Наконец, останавливались: Господи, да сколько ж нас набилось в сани? - и назад, проваливаясь в снегу, тащат сани на свою сопку; пока возвратятся, а уж час пролетел. Смех, шутки, предостережения. "Смотри, милай, будь осторожен - упадешь, рука под полозом как спичка переломится". И ведь бывали такие случаи - бежит потешиться, а назад на руках несут; всю зиму теперь будет лечиться.

Бунты и мир

К 1921 году Советская власть на Алтае как будто установилась. Десятки тысяч партизан вернулись к своему крестьянскому делу. Их командиры - Мамонтов, Третьяк, Козырев и другие - были чрезвычайно популярны в народе. Увы, иные, мирные порядки устраивались не лучшим образом: в городах власть забирала бюрократия; в деревне хозяйничали продотряды.

В 1921-22 годах волна крестьянских бунтов прокатилась по Горному Алтаю и ряду равнинных районов. В Усть-Коксе, Верх-Уймоне, других селах и деревнях Уймонской долины власть на время взяли повстанцы; для их усмирения были высланы регулярные войска. Дорого пришлось поплатиться поднявшимся за свое добро: кто не сложил голову в боях, хлебнули тюрьмы и пыток. Часть повстанцев, и среди них Васька Атаманов, утекли на восток, в Китай. В Верхнем Уймоне до сих пор люди делятся на "красных" и "бандитов": глубоко пролегла межа, как запоминается пролитая своими кровью!

Зима 1921-22 года ознаменовалась стремительным ростом цен. В январе на Барнаульском рынке 1 пуд пшеницы стоил 335 тысяч рублей, а в конце февраля - уже 925 тысяч, пуд картофеля - 65 и 210 тыс., фунт говядины 1 сорта - 21 и 55 тыс. рублей, а дойная корова продавалась за 9 миллионов!

С введением в апреле рублей 22-го года, наступил резкий перелом. К июню в Барнауле пуд пшеницы продавался за 615 рублей, пуд овса - за 250, четверть молока стоила 32 рубля 50 копеек, десяток яиц шел за 21 рубль, среднемесячная цена за лошадь составила 7590 руб., а за буренку давали 8820 руб. /ГААК, ф. 212 оп. 1 дело N 1022/.

Урожай 1922 года выдался неплохим. Постепенно налаживалась жизнь и у горновских крестьян. Они все глубже пускали корни в подножие своей сопки, вокруг которой сложились 4 поселочка, под общим названием Горновка. С одной стороны горы жили Клишины, Стребковы, Иштокины, Каряновы, Поповы - это место называлось Лягушовка. За изгибом сопки располагалась Хромая, здесь обитали Себякины, Василий Стребков, Сутормины, Петр Семенович Попов, Кондратий Жуков, Никифор и Лукьян Лукьяновы, Краснослободцевы Карп Андреич и Петр Карпович. Обогни еще часть горы, и попадешь в Поповку - тут литой крестовый дом Трофима Емельяновича Стребкова, богатого человека, с мельницей, 4 дома братьев Поповых - Федора, Якова, Антона, Николая (эти были мужики крепкие - плотники, кузнецы, имели кузницу, держали работников, по их имени и называлось местечко). Здесь же построились Русины (звали Козловы), Сутормины, Дробышевы,

Иван Кузьмич Попов, деревенский пастух Ушаков. Последний поселочек был Каштак, в нем обустроивались Литвиновы, братья Макар и Леонтий Жуковы. Все это были самостоятельные хозяева.

От Золотухи до Горновки - 10 километров по равнине. Когда в сельской церкви бил колокол, в поселке хорошо было слышно.

В сентябре 1921 года Дмитрий Клишин был переведен в Рубцовку, работал на хлебозаготовках, а к ноябрю был отпущен в бессрочный отпуск. Война, длившаяся для него 5 лет, окончилась...

Осенью жена Варя родила ему девочку. Младенца возили крестить в Золотуху, нарекли Дарьей.

Летом 1922-го у Клишиных произошло несчастье. Пятилетняя дочка Катя сломала руку. Варвара (она была беременна третьим ребенком) заболела от испуга. Дмитрий повез дочку к золотушинскому фельдшеру; неудачливый костоправ срастил руку неправильно: она висела как палка и совсем не гнулась. Что делать? Знакомый немец из села Америка присоветовал Дмитрию свозить дочку в Самарку - большое немецкое село Там жил известный лекарь. Немец дал больной Варваре питье, а маленькую Катю, темноглазую птичку с перебитым крылом, оставил у себя. Кате запомнился граммофон. По-русски в семье никто не говорил никто, кроме хозяина, да и тот - немножко. Лекарь сказал Дмитрию: "Руку правит можно, потому как девотшка - ребенок. Только шрам останется". Сломал кость заново, соединил, и трижды в день делал перевязки и массажи. А в руку давал груз, с каждым днем все тяжелее, и заставлял им размахивать. Через неделю рука у Кати стала шевелиться и даже доставать плечо. В конце концов немец отпустил ее домой с условием, что девочке и дальше будут увеличивать груз и, таким образом, разрабатывать руку.

У Варвары родился мальчик, она в жару металась по постели, зстонала, просила питья, бредила... Питье ей не помогало. Через несколько дней после родов она скончалась, а следом, двумя неделями позже, угас и младенец. Похоронили Варвару Степановну на золотушинском кладбище. Поговаривают, что за Варварой, еще до ее болезни, ухаживал один из братьев Мелькановичей, белоруссов, живших на "хохлятской" стороне Золотухи. Но имеет ли это отношение к ее жизни и смерти, неизвестно. Слышал я легенду, будто Мелькановичи подговорили кого-то навести на нее порчу.

Спустя несколько месяцев, Дмитрий Петрович женился во второй раз - на Зинаиде Спиридоновне Горбачевой. В 1924 году у них родилась дочь Татьяна.

Молодой матери суждено было рожать еще 6 или 7 раз; выросли и стали взрослыми четверо: Татьяна, Виктор, Александр, Николай.

Дождь и слезы

Взрослые - кто в поле, кто в огороде. Катя покормила кур и гусят, и побежала домой - посмотреть за маленькой Таней - все как мама Зина велела (она еще не привыкла называть ее мамой). В окне показалась вихрастая голова двоюродного брата Ванечки.

Ванька, дяди Семена сын, был большой озорник... То зимой дорожку водой польет, снегом притрусит и ждет - кто грохнется? То лук самодельный смастерит и за кошками охотится. То на крышу заберется вечером и завоюет в трубу, как домовый.

Ванька сделал знак рукой: "Поди-ка". Катя выглянула: на завалинке сидела маленькая Таня, Ванечкина сестра.

- Катя! Пошли у Поповых горох воровать!

А зачем воровать, когда свой есть? Но девчонке интересно, хоть и страшно.

- А как же Танечка?

- А ничо, мы ее в тележку посадим. Да мы быстро, не боись.

Посадили малышку в тележку и отправились за огород. Шли, оглядываясь по сторонам: не видит ли кто? Было жутковато. А тут еще небл хмурится... Маленькая Таня, притихнув, таращила темные глазенки.

Поповых огород - рядышком. Поставили тележку у саманной амбарушки, сорвали по одной плети гороха: сладкий! На землю упали первые крупные капли дождя... Через мгновенье дождь приурезал от души - настоящий ливень! Потоки воды низвергались сверху, скрывая все вокруг, заглушая испуганный плач малютки.

- Снимай кофту, Таню укроем! - закричал Ванька, стаскивая рубашку и штаны.

- Бяжим!

Куда там! На колеса намотался жирный липкий слой грязи, босые ноги скользили по размокшей земле. Гроза грохотала!.. Девчонки от страха орали в голос.

- Катя, Таня! - раздалось вдалеке.

- Ой, миленькие мои, вот вы где, - к ним уже бежала бабушка-монашка. - Ах ты, Господи, Господи, детыньки...

Через полчаса они сидели дома - обтертые, переодетые, отогревшиеся, пили чай... Им бы влетело от Зинаиды, но бабушка Ганя заступилась.

Святая Дева

Агафья Калиновна, бабушка-монашка, смолоду жила в доме своего брата Петра. Много лет назад ее, девушку скромную, невидную, работающую, охватила неведомая болезнь. Агафья чахла, сохла, и, казалось, одною ногой стояла на краю могилы... Спас ее нежданный случай. Божья странница, знахарка и ворожея, остановилась в доме у старого Калины Григорьевича. Увидела она больную и пожалела бедную девушку... Заговорила с нею ласково, за руку взяла: "Могу тебя вылечить, но должна ты Господу обещать что-то очень для тебя дорогое". - "Я замуж никогда не выйду", - отвечала, запнувшись, Агафья. Изумилась божья старушка: "Возьми чего-нибудь попроще". - "Нет, - сказала твердо, - если Бог меня вылечит, весь век Ему служить буду". Покачала головой странница. Стала молиться, да за Гашей ухаживать. И - подняла девушку на ноги! С той поры Агафья Калиновна о замужестве не помышляла. Сколь было женихов, а всех отваживала - и ни родители, ни братьевья ничего не могли с нею поделаться.

- Видно, судьба такая у меня.

Зато была она - нянька всех детей. Каждого малыша готова была обласкать, обшить, от болезни выходить. Дети Евдокии и Петра, дети их детей - все помнили прикосновение ласковых ее, теплых, сухоньких ладошек, все от первых дней знали ее свежее, тонкое лицо в платочке. В праздник пряник, конфетку не съест, для малышей припасет. И ругаться не умела, не могла. Если уж совсем допекут ее ребятишки, "ух, немилые!" - скажет, это в ее устах самое "страшное" слово, и добавит, перекрестившись: "Ох, согресишь с вами ..."

Семен Петрович летом на покосе, как заиграет в нем молодая кровь, пытался к ней приставать: "Тетка Агафья, все одно, завалю я тебя, смотри та кака гладка! Та пугалась: "Будет тебе, Семушка, - грех!", и отбивалась с таким ужасом, что Семен отступал, не сладив с сухонькой монашкой... Добивались до нее и другие парни, но отходили ни с чем. А потом уж прочно закрепилось за нею: *святая дева*.

КНИГА ВТОРАЯ

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Раскулачивание и ссылка

Грозная смута раскулачивания пришла на Алтай с некоторым опозданием от Центра, но к началу 1930 года она уже наступила. Раскулачивать было не так-то легко: чем отличить "кулака" от "бедняка" в зажиточной общине? Созданные комитеты вряд ли назывались "комбедами", здесь никто не голодал, и оттого были лояльнее, чем во внутренней России.

Перед колхозами в 26/7 г. - организовывали коммуны. В УстьТаловке организовали колхоз "Красный боец" (Рая Сутормина).

Коллективизация шла под аккомпанемент чисток и высылки... На Клишиных написали донос соседки, две сестры, - "женщины грязные, немытые, ленивые" (Александр Клишин). В вину вменялось упрятывание хлеба. Так-таки и нашли хлеб - в печи был вмазан, маленький Ваня, сын Дмитрия Петровича, показал представителю власти - столь же простодушно, как десятью годами раньше внук Архипа Клишина указал белогвардейцам на спрятавшегося во хлебе деда. Бедные малыши! знали бы, какими бедами оборачивалось их доверие ко взрослому человеку...

В 1928 году Федор Гаврилович Поздняков супряжничал с Д.П.Клишиным, у него от работы сдохла лошадь. В январе 1929 года Дмитрия Петровича постановлением Президиума Локтевского РИК Рубцовского округа лишили права избирательного голоса "за эксплуатацию"... Борьба Дмитрия за восстановление в правах - целая история.

Открываем "Личное дело N 197 лишенного избирательных прав по Антошинскому С/Совету Локтевского района Клишина Д. П." На пожелтевшей картонке выведено: "НАЧАТО: 1929 г. ОКОНЧЕНО: 1937 г. Переписка на 46 листах".

Характеристика хозяйства. Любопытно, что же нажил наш герой за 10 лет Советской власти, с чем подошел к своему раскулачиванию, так ли полон дом его, как отчий - до Революции?

**Характеристика хозяйства гр-на Клишина Дмитрия Петровича
Горновского с/с, Локтевского р-на, Зап. Сиб. края**

Хозяйство по годам:

Наименование предметов	26/27	27/28	28/29	29/30	30/31
Лошадей рабочих	4	3	3	3	
Крупного рогатого скота	7	7	6	4	
Овец	40	25	13	12	
Свиней	-	1	1	-	
Батраков	1	1	1	1	
Пром.предприятий	-	-	-	-	
Молотилок	-	-	-	-	
Сенокосилок	1	1	1	1	
Лобогреек	1	1	1	1	
Супряжи	1	1	1	1	
Посев в десятинах	14,25	14	14	14,75	

Нет! не зажиточно хозяйствует Дмитрий, как, бывало, родитель в пору столыпинских реформ. поголовье скота снижается и к зиме 1930-го насчитывает всего 20 голов - впятеро меньше, чем было в семье еще 12 лет назад. Посевные площади лишь треть составляют от тех, что обрабатывал отец, и инвентарь скуднее: ни плуга многолемешного, ни веялок, ни борон... забыли и про телеги на железном ходу, и про конные грабли... И сам Петр Калинович давно не правит отдельным хозяйством, под сыновней крышей век заканчивает. Обеднела семья! Да одна лишь клишинская ? - все скромнее жить стали...

Листаем дальше. Вот документ 37 - без даты (привожу с сокращениями, сохраняя орфографию оригинала):

Заявление Д.П.Клишина собранию поселкового Горновского с/совета

... считаю лишение меня прав голоса незаконно как партизана, сражавшегося за власть Советов в 1919 году, что могут подтвердить Клишин Григорий Е[лисеевич], Жуков Василий Семенович. Основываясь газетой Степная Коммуна от 18 марта за N37 постановл[ением] цека ВКП(б) прошу бедняцкое собрание ходатайствовать о восстановлении моих прав...

То бедняцкое собрание состоялось и поддержало молодого домохозяина (орфография оригинала):

Выписка из протокола N 5 Горновской бедняцкой группы состоявшегося 5.04.30 года

Присутствовало: 25 чел.

Слушали: заивлении гр-на Клишена Дмитрия Петровича, а востоновлений избирательные право голоса,

а) Стребков В.В.: да действительно Клишен старается, никогда не противоречит

б) Лукин Г.П. говорит[:] тов[арищи,] не забывайте то, что он партизан и после всего этого он служил 10 месяцев в милиции

И всем он мужик советский[,] ряд тов[арищей] подтверждает.

Постановили: учитывая, что Клишин Д. добровольный партизан, не вредный илимент, в правах избирателя восстановить. О чем просим РИК утвердить.

Выписка из протокола верна 10.04.30 г.

Итак, 25 крестьян ходатайствуют за своего товарища. Спустя несколько дней, состоялось партийное собрание, на котором, судя по протоколу, присутствовало уже 59 человек:

Выписка из протокола N 8 Общего собрания коллектива ВКП(б) и ВЛКСМ (Локтевской) коммуны от 13 апреля сего [1930] года

Присутствовало: член[ы] и канди[даты] ВКП(б) -19 чел., комсомола - 10 чел., беспар[тийные] - 30 чел. Председатель Кустов , секретарь Сибякин.

Слушали: постановление цека партии параграф 4 о пересмотре лишенцев середняков и красных партизан. Протокол Горновского сельсовета группы бедноты о восстановлении в правах голоса тов. Клишина Дмитрия Петровича как красного партизана.

Постановили: Поддержать ходатайство группы бедноты о восстановлении ему прав голоса.

Выписка верна: от[ветственный] секр[етарь] кол[лекти]ва ВКП(б) Кустов

Восстанавливают в правах - и снова лишают. Борьба шла два года. Все это время Дмитрий боролся, надеялся на справедливость.

Горновский Сель. Изберком
от гражданина поселка
Горного Горновского С-та
Локтевского района Рубцовского
округа Сиб. края.
Клишина Дмитрия Петровича

Заявление

Я[,] Клишын[,] в возрасте 32 лет[,] семейное мое положение внастоящее время состоит из 10 едоков [,] из них рабочих 3[,] имущественное мое положение дом и саманный анбар[,] надворная постройка[,] брчка[,] супряжи[,] лобогрейка[,] внастоящее время 2 рабочих лошади[,] молод[ых] 1[,] 2 дойные коровы[,] молодых 5 штук[,] мелкого скота 25 штук [,] сеял 1928 году 14 десятин [,] 3года я[,] Клишин [, был] членом с[ове]та[,] начиная с 1926 года[,] в 1926 году я[,] лишенный[,] был старшим поселка[,] Имущественное 1926 году было рабочих лошадей 3[,] дойных коров 4[,] мелкого скота 40 штук[,] в 1922 год[у] я[,] Клишен обратно был избран в с[ове]-ть[,] имущественное положение 1928 году было 3 рабочих лош[ади], 3 дойных коровы[,] мелкого скота 25 штук сеял 14 десятин[,] рабочих рук 3 виду службы при сел[ьском] совете.

А равно и мало рабочей силы[,] я[,] Клишен[,] собирались для совместной работы на весь летний сезон с Позняковым Дмитрием Гавриловичем[,] Последнему было посеяно на 1 лошадь 5 десятин[,] убраны с поля и хлеба [,] поправлены к зимнему сезону надворная постройка в конце 1928 года Перед выборной компанием я[,] Клишен[,] был лишен избирательных прав голоса за содержание батроков[,] Считаю с своей стороны[,] что лишили меня[,] Клишина[,] избирательных прав не правильно[,] батраки Поздняков[,]Копылов Лаврентий не приводились батраками для меня[,] А лишь совместно работающих со мной[,] что послед[ний] Скоробогатов Федор был у меня не так, как годовой. А как сезонный. О выше изложенном прошу сей изберком принять ходатайство перед высшими органами о восстановлении мне прав избирательного голоса

Проситель Д Клишен.

Заметим, что лишают права голоса красного партизана и недавнего председателя сельсовета... В деле - доносы, дополнительные заявления с отказом от первичных показаний. Свидетели, большей частью, не обучены грамоте, кто-то пишет с их слов.

Исход, увы, закономерен...

Семейный список по выселению кулацких хозяйств:

1	Клишин Дмитрий Петрович	33 г[ода]
2	жена Зинаида	33 г[ода]
3	отец Петр	74 г[ода]
4	мать Евдокия	69 л[ет]
5	тетка Агафья	51 г[од]
6	дочь Екатерина	14 л[ет]
7	дочь Дария	10 л[ет]
8	дочь Татьяна	7 л[ет]
9	сын Виктор	4 г[ода]
10	сын Иван	2 г[ода]

ВЫПИСКА ВЕРНА: Д[елопроизводител]ь РИКа Кузьмик

Аресты шли повальные. Людей увозили семьями, спешно, заставляя бросать дома, скотину, нажитое добро. К Дмитрию Петровичу, в признание старых заслуг, отнеслись помягче: посоветовали срочно продать скот, но он замешкался, растерянный богатырь, надеявшийся как-то поправить беду, и ничегошеньки не продал...

Сослали их 13 мая 1931 года. Всего-то и успели, как пришли сажать на подводы, захватить с собой имевшуюся денежную наличность, кое-какое барахло, швейную машинку "Зингер" - с тем и поскрипели в слезах, придерживая узлы на коленях. Родня провожала до самого поезда. Бричкой правил зять Андрей Жуков, недавно поженили его с дочерью Агафьей... За "Зингер" Дмитрий Петрович потом выменяет у местных кержаков мешок картошки. Жизнь в ссылке начнется отчаянно-бедно, голодно, и осколки прежнего благополучия быстро уплывут за похлебку и кусок хлеба.

Много лет спустя, в Красноярске, взрослые сыновья Дмитрия Петровича, слушая рассказы отца, неизменно видели слезы на его голубых глазах.

- Что ты, дед, - говорила в эти минуты Зинаида Спиридоновна, - будет. Прожили уж свой век, слава Богу, прошло все...

- Разве такое можно забыть ? - сокрушался Дмитрий Петрович и долго сморкался в платок.

Вместе с Клишиными сослали многих, многих других из Локтевского района. Был среди ссыльных, к примеру, Карташов Иван Егорович, мастер на все руки: еще

и после войны ладил он мебель, шил бостоновые костюмы для учителей и казацки бешметы, в которых щеголяли офицеры НКВД, делал добротную кожаную обувь. Был Ефрем Викулович Шамайко, кудесник игры на русской гармошке, человек подвижный, ладный, небольшого росточка. Были Шуваевы - Прохор Васильевич (брат расстрелянного беляками в 1918 году матроса Шуваева) и его жена Мария Карповна, сестра прабабки моей, Натальи Карповны Жуковой. (Карповны эти, в девичестве Краснослободцевы, на крестьянском фоне выделялись женской статью и кокетливостью... С ними вечно что-то приключалось. Однажды, уже в ссылке, решила Мария у наседки носик укоротить, чтоб та не проклевывала яйца, взяла топор... и тут вся улица услышала жалобное ее причитанье: "О, Прохорка, ходь сюда, наседка сдыхае, хотела носик отрубить да по самые глазки отчебучила...")

Были и такие, кто бежали от раскулачивания и коллективизации. В 1931 году Василий Семенович Жуков, которому уже перевалило за пятьдесят, попытался скрыться с женой и семерыми несовершеннолетними детьми в Средней Азии. Но чужой край их не принял. Помыкались год без крова, в нищете, попробовали вернуться, да по дороге заболели тифом. Умерли все девять в теплушке под Новосибирском. (О, слезы тридцатых годов!.. Где их, сердечных, закопали?) Остались от деда Василия старшие дочери Евдокия (р.1912) и Катерина (р.1909) - и по сей день они живут в Шемонаихинском районе Восточно-Казахстанской области.

Воздавая дань памяти земляков, привожу список лишенных избирательных прав, который хранится в партийном архиве Алтайского края (Фонд Р-646, Опись N 1 за 1929-1937 годы). "Век мой, зверь мой" прошелся по ним и по их семьям железной лапой...

**ОПИСЬ дел лиц, лишенных избирательных прав по Локтевскому району,
для сдачи в Краевое Архивное управление согласно распоряжению ОргОтдела
ЗАПСКИКа от 28 декабря 1936 года N 45.**

№ дела	Ф.И.О	Начато	Окончено	Листов
187	Карташов И.Е	1932	1937	21
188	Жуков С.К.	1931	1937	20
189	Куликов Н.С.	1931	1937	17
190	Баранов П.Ф.	1935	1937	29
191	Попов А.И.	1935	1937	11
192	Носов Кузьм. М.	1930	1937	17
193	Логвиненко Ф.	1931	1937	5
194	Клишин Н.П.	1931	1937	11
195	Стребков Т.	1930	1937	26
196	Ленев Т.Л.	1930	1937	11
197	Клишин Д.П.	1929	1937	46
198	Клименко А.А.	1930	1937	19
199	Архипов Григ. Д.	1931	1937	12
200	Шестапалов Федор	1931	1937	40
201	Горбачев С.И.	1934	1937	10
202	Жуков Василий	1931	1937	13
203	Ленев Я.В.	1931	1937	24
204	Шамайко Е.В.	1931	1937	13
205	Пересыпкин Н.Г.	1931	1937	12
206	Ленев Лазырь А.	1931	1937	9
207	Караваев С.А.	1931	1937	32
208	Шамайко И.В.	1931	1937	13
209	Пересыпкин С.	1930	1937	22
210	Прибытков В.А.	1931	1937	10
211	Прачиков Филипп	1930	1937	19
212	Мельканович Г.	1930	1937	10

Везли ссыльных крестьян под конвоем в глухие, необжитые места: в теплушках до Барнаула, потом сплавом на баржах по Оби до Колпашева, а оттуда вверх по рекам Чае и Бакчару (в те времена еще судоходным) и высаживали на диком берегу в трехстах километрах севернее Томска. Этот медвежий угол считался Нарымским краем, и в письмах домой (когда разрешили писать) значился "Нарымом". Так и остался в памяти, хотя до самого Нарыма, древнего сибирского поселения, было далеко - километров не меньше ста...

Рассказывает дочь Дмитрия Петровича, Екатерина Дмитриевна Клишина, ныне проживающая в поселке Новая Сугра, что под Усть-Каменогорском:

Папа был лишен права голоса, а нас выгнали из школы - за то, что он держал работников. Папа записался в коллективизацию, весь скот согнали на колхозный двор. Дед позже вернул скот. Папу вызвали в сельсовет: дядю Николая (Н.П.Клишина) объявили на ссылку, мы его собирали... Некоторое время спустя папу вызвали в сельсовет, вернулся он с военными, которые сделали опись скота, амбаров, что-то позакрывали, что-то забрали. Ночью, что успели, приготовили, посадили нас 11 человек на две брочки: Петра Калиновича, Евдокию Тихоновну, Дмитрия Петровича, Зинаиду Спиридоновну, Агафью Калиновну, Дашу, Таню, Виктора, Ваню, Маню и меня. За первый день проехали за Успенку (станция Неверово). В логу остановились ночевать. В Успенке у Дмитрия Петровича был двоюродный брат Иван Макаров - он дал мешок муки. Довезли нас на телегах до Аула, погрузили в товарные вагоны... В Барнауле посадили на баржи, везли по Оби до Баранаково. Высадили... Стояли недели две в шалашах. Потом на баржах плыли до пристани Коломино. Опять нас выгрузили - не знали куда везти. Стояли недолго. Третий раз погрузили на баржи (погрузка всегда велась ночью) и - до Колпашева. Стояли долго, недели две, потом поплыли в Бакчар. Высадились на берег. Перебились два дня. Пришел комендант, по фамилии Березнев, сказал: "Кто может идти и что-нибудь нести, собирайтесь..." Из наших пошли Петр Калинович, Дмитрий Петрович, Даша, Агафья Калиновна и я. Остальные остались на берегу. Шли через село. Дальше тайга, дороги нет. Комары, мошка. Шли два дня. Ночевали в тайге. На третий день в обед пришли в старое село Орловку и еще два-три часа шли...

Там оставили людей из Горно-Шорского района, нас же повели обратно в Орловку и переправили на другую сторону реки Бакчар, в горелую тайгу. Назавтра приплыл комендант: "Езжайте грузить семьи. Здесь и будете жить...". Мужчины пешком пошли в Бакчар, на моторке привезли семьи.

Место было гиблое - лес, комары, болота. Начался голод. Муку, что выгрузили на последней станции, нам не отдали. Пошли болезни. Надеялись - может, отправят домой... Но комендант Березнев сказал: "Домой не собирайтесь. По несколько человек получайте топоры, пилы, лопаты, стройтесь, зимовать будете здесь...". Народ умирал, особенно немцы и дети. Трупы закапывали в ямины от вывернутых корней. Позже стали хоронить таким манером: если есть выгоревшая колода - распилят по вдоль, на одну половину положат покойника, другой прикроют, засыпят землей, крестик деревянный поставят - и все. Для гроба-то доски нужны! Не отпевали - церкви у нас не было... Это как сейчас - без гробов хоронят. Иной раз телевизор насмотришься, прямо как в те времена. Господи, что ж мы за народ такой?..

Края эти - ныне Томская область - граничили с печально известным Туруханским адом. Стоящие у власти большевики сослали именно туда, где до революции сидели сами; ГУЛАГ еще только строился... Татьяна Дмитриевна Клишина, уже после войны, работая на речном флоте, ходила по Оби до самого Салехарда, и много наслушалась всякого о дореволюционных временах. Она и говорила о встрече в Нарыме с хранителем местного музея И.В.Сталина, живым очевидцем событий ссылки "отца народов". По словам старика-хранителя, жил Иосиф Джугашвили в Нарыме довольно свободно, пьянствовал нередко и блудил с

солдатками, а потом "совершил побег". Местные жители все считали, что был он-таки осведомителем и уйти ему дали, иначе не добрел бы он до ближайшей железной дороги, до Омска, - это больше трехсот верст...

Но экскурсии членов фамилии по краю состоятся позже... А пока - вековая тайга, комары да гнус. Климат, впрочем, оказался здоровым. Крестьян не относили к политическим, поэтому они строили себе не лагерь, а поселение, получившее имя Первая Старица. Валили и корчевали столетние деревья, строили дома, расчищали участки под пашню. Снова проявилась коренная смекалка крестьян, их умение работать. "Через год, в 32-м, у нас уже был свой дом", - вспоминал Дмитрий Петрович. Этот дом, правда, стоил жизни 76-летнему Петру Калиновичу, который умер чуть ли не под бревном от непосильного труда и постоянного недоедания. Второе переселение оказалось для патриарха рода последним; оно и молодежи далось труднее, чем Золотуха родителям - полвека назад: за Первопоселенцами стояла Российская империя, их было много, они не голодали, верили в лучшую жизнь, а здесь злой мачехой нависла Советская власть в виде комендатуры, оставившая ссыльным лишь голые, хоть и умелые, руки, и не сулившая никаких надежд на скорое освобождение.

Вот как вспоминаются Екатерине Дмитриевне Клишиной первые, самые трудные месяцы таежной неволи:

Дед Семен Кузьмич Жуков приехал с сыном Дмитрием. Мы строились в четыре семьи: Дмитрий Петрович, Семен Кузьмич, Дмитрий Семенович и его тесть Виктор Калужин, у которого были взрослые, неженатые сыновья - Иван и Федор. Получили два топора, две пилы, лопату, построили общий барак с нарами. Топили по-черному, спасались дымом от комаров. Маленькие дети, Ваня и Маня, померли. Петр Калинович начал болеть.

Старшим в поселении был выбран Прохор Шуваев. Он поплыл в Орловку, получил один мешок муки на всех локтевских. На одну душу выделяли стакан муки. Крапиву рвали мешками, в чугуны заваривали, туда муки вольют - тем и питались. Хлеба не было.

На четыре семьи баню построили, потом хату. Построили одну избу, потом другую... В тех краях даже гальки не найти. Каменку в бане делали из песка с глиной, белили древесной золой. В каждой избе сладили нары, сбили печку... Стекла не было. Окошки вырубili маленькие - позже малюсенькие стекла. Бросили жребий. Нам с семьей дяди Николая досталась верхняя избу, а Семену Жукову с Калужинными - та, что ближе к Бакчару...

Папа с дядей Николаем, Поповыми и Курвяковыми купил на четыре двора корову. Вечером берем ее, кормим, утром и вечером подоим - отдаем Поповым на день... И ходила Пеструшка у нас по кругу. Сено для нее косили серпами. Молока хватало только воду забелить. Так и перезимовали.

Из молодежи убежали многие. В 1932-м крестная, Агафья Калиновна решила бежать с Дашей. Рядом находилось большое село Подгорное, там работал муж сестры Мелькановича, Шамайкин, хороший столяр. Крестная и Даша ушли к нему, сели на пароход, идущий в Томск, оттуда перебрались

в Горновку. Там их не тронули, но Дашу, как дочь кулака, в школу не брали. Она ходила по дворам, останавливалась у родственников - Кулаковых, Иштокиных. Зимовала Даша в школе-интернате деревни Сухатовка, недалеко от Шемонаихи, где работала уборщицей ее тетка - Агафья Петровна Жукова. А весной 1933 года ее обратно выслали. Услышали, что дед с бабкой Юшенки едут в Нарым, в гости, Дашу и отправили с ними.

- Как выкарабкалась баба Ганя из ссылки, взяли мы ее с Федором Гаврилычем, - расскажет мне другая старушка, Акулина Кондратьевна Позднякова, дочь Кондратия Кузьмича Жукова. - Двадцать два года со мной прожила... Потом Виктор Клишин ее сманил. Хорошая была старушка, теплая, ласковая. Как уж дети ее любили! "Ох, немилые..." - самое ругательное из ее слов.

Задержимся на судьбе Акулины Кондратьевны, тогда просто Кулюшки. В октябре 1929 года 16-летней девушкой была она сосватана за Федора Попова. Завидный жених - жил в отцовском доме на Хромой, крытом "по-анбарному", и наследство за ним по крестьянским понятиям нешуточное значилось: кузня, 3 лошади, 4 коровы. Поповы работники были крепкие, батраков не держали.

- Девять месяцев с ним прожила, - вспоминает бабка Акулина. - Поп венчать нас не стал - года не вышли, и Советская власть не зарегистрировала... Сослали мужа в Нарым вместе с отцом, а меня, беременну, оставили. Ушла я обратно к папаше Кондратию. Он сказал: "если оне там хорошо устроятся - сам тебя в Нарым отвезу. А нет - будешь здесь дожидаться..." Их ведь, родимых - в чем одеты, на брички, и посеред тайги...

Вскорости муж мой сбежал (их много сбегало), месяц скрывался. Меня арестовали прямо с малышом, как *оставшуюся кулацкой семьи*, посадили в тюрьму в Локте... Следователь вызывает на допрос, а я ему: "Ой, пустите, у меня ребенок..." - "Да ты сама ребенок!"

Тюрьма больша, каменна, полно арестованных - и женщин, и мужчин. В моей камере было 8 женщин. Помню, мимо мужика на суд повели - одна бабенка бухнулась на пол, заголосила ... Оне все беглые с Нарыма... Я провела в тюрьме часа 3-4, потом папаша упросил - выпустили...

А Федор, оказывается, убежал в Среднюю Азию, где дядя его жил, хотел документ достать, но не вышло, с неделю там поскрввался - и в наших краях объявился. Хотел меня забрать с собой в Нарым, но папа с мамой не пустили. Так он и вернулся в ссылку, и помер там в 34-м от чахотки...

В 1932 году Акулина выйдет замуж на Федора Гавриловича Позднякова, супряжника Дмитрия Петровича, человека бесшабашной веселости. Второй брак окажется для нее счастливым.

Но вернемся к воспоминаниям Кати Клишиной...

Первая зима на Бакчаре (1931-32) выдалась теплая, снежная, безветренная. Люди называли ее - "сиротская". Дров в лесу много. Власти гоняли нас на лесозаготовки. Стали давать понемногу муки, из которой мы делали затируху... Осенью 1931 года, еще до снега, при постройке домов дед Петр Калинович от тяжелой работы и голода опух и помер. Заболела Аниска, дочь дяди Николая, померла в 18 лет от тифа и голода. Тут были и тиф, и дизентерия. Ни лекарств, ни врача. Охраны не было. Зимой можно было через Бакчар перейти, а летом нельзя - лодок не было...

Охотиться не пускали, да и оружия никакого. Пытались рыбу ловить в Бакчаре. Река, однако, глубока и холодна - не могли ничего поймать. Грибов не собирали. Зато малины летом - завались. Весной - колба (черемша), ею спасались от начавшейся цинги. Гоняли за колбой в Тиги (были Первая, Вторая - до Пятой Тиги). Ели черемшу сырой, вареной, соленой.

Ухитрялись в села пробираться, продавать кое-что. Старые села боялись спецпереселенцев, позакрываются, ведра уберут... Там жили все больше старoverы. Мы девчонкам ходили: "Подайте милостынку ради Христа". Не дают!

Старушка одна научила: "У нас не так надо просить. Говорите "подайте милостыню ради истинного Христа". Комендатура нас словит, в баню запрет, переночуем, потом гонят обратно. Люди подавали картошку, морковку.

Весной погнали на раскорчевку. Девчонок из сел Антошиха, Пасиха, Ермашиха, локтевских, новинских, немцев - на опытное поле. Простокваши дадут, колосков порвешь, намнешь их, картошку сырую погрызешь... Дали картошки понемногу, семян - на свои огороды. Кто не выдерживал - семенное съедали. Кто-то с собою семян привез. Дали семян репы.

Срубили дом для детсада, куда определили Виктора, Таню, других детей. Воспитателем была Мотя Якимец. Немка Фрида варила им манную кашу на воде. Я числилась няней, присматривала за детьми, водила на обед и прогулки, учила песни петь. Пайка мне не полагалось - просто выскребала дочиста котел после роздачи еды.

Раскорчевали поля. Стали давать семена овса, ржи. Дали трактора, стали немножко кормить. Вторую зиму перезимовали, легче стало. На иждивенцев и детей прибавили. Хлеб не с чего было печь: галушки, затерки...

Спустя время, раскулаченных крестьян организовали в колхоз, который, как бы в насмешку, получил название "Таежный рассвет". Первым председателем был Прохор Васильевич Шуваев, но его сына Ивана вскоре загребли по доносу жены Нюрки. Это стоило Шуваеву-старшему "карьеру"... Новые выборы, на которые выставлялись два кандидата - Дмитрий Петрович Клишин и Сергей Григорьевич Мельканович, носили бурный характер и затянулись далеко за полночь. Вот она, натура вольных хлебопашцев: в ссылке (!) выборы до хрипоты, до крика, - как выбирали старосту своей золотушинской сельской общины. Когда в третий или четвертый раз голосование не дало результатов, Дмитрий Петрович поднял руку за Мелькановича, и нужный перевес голосов был обеспечен. Председателем колхоза "Таежный рассвет" Мельканович будет до 1941 года - до своего ареста... Его сменит Дмитрий Петрович, который после войны перейдет в бригады химической артели. Не засиживались в те времена в председателях.

Помянем Мелькановичей... Сергея Григорьевича посадили на полтора года за разовую пьянку; он вернется, но уже в 1943 загремит на 8 лет по знаменитой 58-й. Вспомнишь тут А.И.Солженицына: ГУЛАГ и впрямь не выпускал из своих объятий... Из второй отсидки вернется бывший председатель разбитым стариком; будут они с супругой бедствовать и болеть уже по возвращению в Горновку. Эта жизнь похожа

на множество других, подрубленных, доживающих свои дни в великом молчании и великом страхе...

Дошедшие факты рисуют жизнь в поселении в суровых красках. В 1933 году в Первой Старице умер Семен Кузьмич, старший из сыновей Кузьмы Жукова, один из Первопереселенцев. Умер без мучений (видно, от сердца), как и все эти дубы: шел по двору, упал и испустил дух. Добрым словом поминают его сородичи. "Крепкий был хозяин, - говорила Агафья Петровна, - веселый и мечтательный дед. Бывало, идет по лесу, разговаривает сам с собой, а мы, девчонки, за ним по кустам крадемся. Вдруг, словно вспомнил что, остановится как вкопанный, ударит себя по лбу и бежит в обратную сторону". Жена его, Анна, в молодости была первая модница на селе. Имела 35 парочек (кофта и юбка - С.Ж.) Родня шутила: "бывалоча, станет примерять, да никак не может решиться, что же надеть - эта слишком богата, в этой вчерась выходила, ту на свадьбу к свояченице приготовила - расплатится, плюнет и на гулянье не пойдет".

Анне, уже 80-летней старухе, конец выпал страшный. И нескольких месяцев не прошло после похорон мужа, как была она задушена невесткой Варварой и матерью ее, которую все звали Калужина бабка. Каковы были мотивы? Голод, затаенная вражда, ссылка ли довела до озверения - неизвестно. Жили ведь в одной избе... Обнаружил убийство Дмитрий Прибыткин, товарищ детских игр Варвары. На похоронах он подошел к лежащей в гробу покойнице, отвернул воротничок и воскликнул: "А ведь ее задушили!.." Сморщенная шея вся была в синих кровоподтеках.

Вскоре пополз слух, что у Калужиной бабки припрятаны сухари и деньги, взятые у Анны... Как стерпел Дмитрий Семенович Жуков убийство матери? Может, оттого, что у них с Варварой росли два мальчика-погодка, Ванька да Мишка? Как бы то ни было, душительниц наказывать не стали; Варвара дважды еще благополучно разрешилась от бремени - Виктором в 1936 году и Сергеем в 1940-м. Но вскоре после войны она умерла от тяжелой болезни. Последние недели ее протекали в столь жутких, нечеловеческих муках, что хотели даже потолок разбирать, чтобы, по поверью, помочь ее страдающей душе отлететь к небу...

Вдовец Дмитрий женился на женщине с той же улицы, Наталье Сетенко, и в конце 40-х уехал с ней и детьми в Алма-Ату. А над потомством Калужиной бабки словно навис неведомый рок. Смертью Варвары не ограничилось. Старший сын, Федор Викторович, вернулся с войны героем, полным кавалером солдатской Славы, но в 56-м утонул в реке Бакчар. Второго сына, Ивана, еще на фронте, в отчаянном

43-м, расстреляла контрразведка СМЕРШ. Осталась у бабки в живых последняя дочь, Маняка, да муж ее как-то выехал в тайгу на коне верхом, а вернулся бездыханным - конь приволок по земле разбитого, зацепившегося ногой за стремя. А внук, Виктор Дмитриевич Жуков, Варварин сын, в 1957 году умер во время срочной службы на Дальнем Востоке от укуса клеща. И только тогда, пережив все эти трагедии, померла Калужина бабка, душительница и страдальца. Люди говаривали - Бог наказал. И крестились: прими, Господи, ее душу грешную...

Здесь, в Сибири, золотушинские землепашцы соприкоснулись с неведомой им общиной - местными староверами, *кержаками*. Мужики отпускали бороды (были все почему-то рыжебородыми, хоть цвет волос имели разный), бабы крыли голову платками.

Платком да бородой ссыльных крестьян было не удивить. Изумлялись другому - вере диковинной, фанатичной: храмов божьих кержаки не строили, а ходили в молельный дом, крестились двумя перстами, и календарь их церковный много отличался от православного. Появились староверы в сибирской тайге давно, на рубеже XVII-XVIII веков, после церковного раскола, грянувшего при "тишайшем" царе Алексее Михайловиче. Веру свою строгую отстояли в нелегкой борьбе с господствующей религией, закалились в этой борьбе, а потому и безбожная Советская власть не осилилась разрушить прочные их устои, как бы тесанные из монолита духа...

Кержаки жили крепкими общинами, с иноверцами не смешиваясь, выбирая невест среди своих же, по уговору. Дома они ставили деревянные, просторные, прочные - на века. Первые пол-этажа (подклет) рубили из лиственницы, которая не поддается гниению, а жилой этаж делали из ровного кедрового бруса. Крышу крыли тесом: калиброванными досками с двумя желобками для стока воды. В большущей, чуть ли не на 80 кв.м., комнате не было никакой побелки-покраски, но тесанный топором, словно бы полированный, кедровый сруб смотрелся красиво, не хуже мореного дуба. Керосиновые лампы рассеивали мягкий свет. Резные наличники и карнизы были настоящими произведениями искусства. Двор мостился кирпичом-сырцом; на отдельный скотный двор вела крытая галерея.

Вели кержаки жизнь трезвую, строгую, предпочитая всем напиткам брусничный сок из кедровой кадки. Не токмо хлебопашествовали, но и промышляли грибами, ягодами, рыбалкой да охотой. Старообрядцы многому научили ссыльных степняков, от веку не знавших богатой сибирской тайги. Однако от связей

родственников воздерживались: обе общины сосуществовали, не смешиваясь...

Посмотрим на староверов глазами Кати Клишиной:

Дома у них были большие, рубленые, нештукатуренные, мох вместо пакли. А тараканов! С ними не боролись. Жили богато. И очень были несимпатичные. У кержаков грехом считалось оспу прививать, поэтому все ходили корявые. А то бельмо на глазу или что еще. Мужчины носили холщевые длинные рубахи, были стрижены в кружок. Порядки блюли. Сноха, к примеру, встает утром коров доить, подходит к свекру и свекрови: "Папенька, маменька, благословите". Набожные, только больно некрасивые...

Мы лен пололи, идем, поем - нам староверы: "Ой, девки-то какие баскушшие" (басовитые). Один из них поехал в Томск, вернулся за стол уже не сажают: мирской (нечистый). Кержаки пили чай с "бурунчиками": камушки раскаленные кидали в чай, чтоб в чашке кипел.

Кержаков начали раскулачивать в 1932 году. У них были поскотины, много скота: коровы, овцы; у каждого пасека, огород, рожь. Как начали их шерстить - поняли, что такое кулаки. Их высылали в Турухан, дальше нас: Нарымский край, Чаинский район. Как-то по телевизору, уже в 90-е годы, показывали старушку из спецпереселенцев. Она живет на реке Парбик. Старушка говорит: "Сюда были высланы в начале века Яков Свердлов и другие большевики. В этом доме им готовили". После своего срока бабка там и осталась...

Через три года началось так называемое *первое восстановление молодежи*, которое для многих стало избавлением от мрака ссылки. Катя Клишина попала в число "восстановленных". Для семнадцатилетней девушки начиналась жизнь "в людях"...

Выдали нам паспорта за хорошую работу, сказали: "Вам с родителями жить больше нельзя, в село идите или уезжайте". Шестерым паспорта дали, а одна немка, Лиза Винк, отказалась: "У меня старые родители. От них не уеду". Куда ехать? Дмитрий Петрович не хотел, чтоб я ехала на родину. Стрепковы (моей мамы мать, братья, сестры) куда-то уехали. Стрепков Трофим Дмитриевич, мой крестный, Варвары Степановны, мамы моей, родной дядя. (Им Таню, девочку, подбросили.) Не знала, где он, крестный.

Поехали пятеро: Лида Марьевская - в Новосибирск к сестре, Варя Гладких в Егорьевское к брату, Катя Прибыткова в Рубцовку. Остались Даша Шуваева и я. У Даши сестра Ульянка жила на станции Тайга, недалеко от Томска. Там была первая моя остановка. Распрощались с девчонками. Ульянкин муж Тихон работал десятником на лесозаготовках. Барачные квартиры. Встретилась с соседкой бабушки моей, маминой матери, тетей Машей Мачновой. Тихон пристроил меня на лесозаготовки. Тут уже с мужчинами работала (на ссылке была бригада из шести девчонок. Три топора, три пилы, распилишь, раскорчуешь. Сучья рубили, бросали.) А в Тайге сучья складывали. Бригада была восемь-десять человек, бригадир. На санях возили далеко. Трелевкой занимались уже другие бригады.

Тетя Маша Мачнова нашла мне место няньки. У хозяина были мальчик и девочка. Побывала там немного. Хозяин работал в конторе, как чуть выпьет, начинает орать: "У, кулацкая дочка, белоручка!" Приду на выходной к тете Маше, плачу: не буду там работать. Написала письмо крестной, она жила у дяди Семена. Та пишет: "Приезжай". Собрала котомку, доехала до Аула. Куда идти? Пошла в заезжий двор. Там кони, люди, кто на полу спит. Было начало апреля, таяло, но ездили на санях. Уснула на

котомке. Вдруг слышу шум, разговор - наши: Яша, сын Даши Иштокиной, дядя Лаврентий, тети Мавры муж. Чаю попили, я с ними поехала. Приехали. Чем заниматься? Любой звал к себе. Дарья говорит: "Катя, иди к Нюрке, у нее двое детей, ты будешь знать работу, и все. Будешь писаться как Жукова". Там уже колхоз был: молоко сдай, масло, яйца, курицу сдай. Пахала. В сенокос то загребали сено на граблях, то возили. В уборочную приехал кто-то в Золотуху (крестной моей сестра, Полина Калиновна, с тем человеком говорила). Прибежала, говорит - рассказывает, что бабушка твоя и дядя Петя живут недалеко от Риддера. Дала адрес. Я написала туда. Мне прислали тридцать рублей на дорогу. Уборка как раз к концу, мне премию (платок)дали. Я засобиралась ехать. От Шемонаихи до Усть-Каменогорска железной дороги не было, а от Усть-Каменогорска до Риддера была узкоколейка. В конце октября поехали из Горновки в Шемонаиху. Уба еще не застыла, паром уже не ходит.

Через Убу построили железнодорожный мост, 7 ноября по нему прошел паровоз. Народу на него налепилось! Все ходила, узнавала, стал ли лед. Жила у Русиных в Шемонаихе... Как-то пришла в гараж женщина с накрашенными губами, показала мне ангелом. А я была несмелая, недоделанная. Спрашивает она меня:

- Вам куда?
- В Риддер...
- Ой, и мне. Как Вас звать?
- Катя.
- А меня Маша. Переходите ко мне. Дедушка пустит.

Забрала я мешок с сухарями, перебралась, играем в карты, дедушка нам байки рассказывает, а Уба все не застывает. Приводит как-то раз дед парня, Мишей зовут, с двумя чемоданами. Потом другого паренька. Целая компания! Миша и говорит: "Мы в воскресенье пойдем с Володей, двое санков купим. У меня два чемодана, у Володи вещей немного, у Кати два узелка. А у Маши - вещи упакованы". Купили. Понедельник - тяжелый день, не трогаемся. Во вторник - утречком по морозцу. "Катя, что у тебя за сундучок? Оставь дедушке, он тяжелый, потом заберешь".

Выложила я вещи, Машины чемоданы разложили на двое санков, пошли. Ветер, а мы в туфельках идем. Подводы нас догнали - казахи. Миша разговорился с ними. Довезли нас до стоянки. Казашки смеются: вот невеста. я-то, дура: "Маша, я боюсь". Доехали до Усть-Каменогорска. Денег ни копейки. Маша мне и говорит: "Продай чего-нибудь". Взяли два старинных маминых платка, два полотенца, на базаре продали. Купили билет. "Как доедешь до Риддера, увидишь каланчу пожарную, там твой дядя Петя работает". Доехали, распрощались. Я - в пожарку, а дом - вон он, показали.

Так и приехала на *второй район*. Дядя Петя, бабушка, тетя Ксения, тетя Поля, тетя Настя - встретили хорошо. Пошла в ресторан уборщицей, потом посудницей. Нюся работала секретарем-машинисткой, я пришла в контору рассыльной, стала ходить в ликбез. Послали на курсы поваров... Так в Риддере и осела...

Годы текли своим суровым распорядком. Спецпереселенцы пережили страшный тридцать седьмой, а затем и войну... Из Первой Старицы на фронт призывали - право умирать за Родину у детей ссыльных "кулаков" никто не отнимал.

Виктор Дмитриевич Клишин, который 4-х лет от роду попал в ссылку, был призван в 1944-м, когда ему стукнуло восемнадцать. Пунктами формирования части были Бердск, Куйбышев-на-Оми и Куйбышев на Волге. Его записали в сибирские

"запашные" (запасные) войска. Перед фронтом стояли в Вологде. Запомнил ежедневные учебные тревоги зимой. К фронту, в Германию, двигались в составах, а Польшу прошли маршем. Польки кричали: "Пан, кава!", - угощали пехоту кружечками кофе.

Часть вступила в боевые действия за Одером в январе 1945-го. Судьба отмерила Виктору только один день на передовой - утром начался в бой, а вечером его ранило. Пуля прошла насквозь левую руку, сломав лучевую кость. Солдат попал в эвакогоспиталь на станцию Ладожская, что в Краснодарском крае. В апреле в госпиталь заявился "покупатель" - и увез Виктора в ремонтный кавалерийский полк. В Ставрополе для него и закончилась война.

Демобилизовался Виктор в 47-м, вернулся в родные места - в ссылку не поехал! Обосновался в деревне "Серп и молот", около колхоза им. Тельмана. Сразу женился на Шуре Литвиновой. Ему - 21, ей - 19. Начинали под опекой семьи Жуковых: Андрея Кондратьевича и Агафьи Петровны. Дед Андрей его обучил бухгалтерскому делу, определив, таким образом, дальнейшую трудовую жизнь.

Работал Виктор весовщиком, грузчиком, потом Андрей Кондратьевич взял его к себе в бухгалтерию колхоза "Совет" в село Зевакино. В этом большом селе, раскинувшемся на берегу Иртыша, было сразу два колхоза - "Совет" и "Заря". Оттуда в 1951 году Виктор Дмитриевич перебрался в Красную Шемонаиху главным бухгалтером колхоза "Верный путь". Эту должность он занимал 10 лет. В 1954 году Виктор Дмитриевич с молодой женой и сыновьями Юрой и Валерой ездили в Нарым в гости к Дмитрию Петровичу. Плыли на колесном пароходе по Томи. В 1959-м он выписал отца и мать к себе, а позже забрал и вдовую сестру Дарью с тремя ребятишками (Коля, Александр и Надежда) - муж ее умер на Севере.

...Прошло десять лет ссылки, пятнадцать, но над раскулаченными страх висел, точно проклятие. Волны арестов прокатывались по Первой Старице. Завелись в их среде доносчики, а и так забирали, по разнарядке. Матери дрожали за детей - как бы в школе не брякнули лишнего. 10 февраля 1946 года, в воскресенье, в поселении состоялись первые послевоенные выборы в Верховный Совет СССР. В ночь со вторника на среду пошла облава: НКВД-шники собирали очередной "урожай". Хватали даже фронтовиков. Такие же налеты случались и в 50-м, и в 51-м. Больше арестованных никто не видел...

С 1949 года ссылка начала рассасываться. У крестьян появилась лазейка - уехать на постоянное место жительства по вызову близкого родственника. Этим широко пользовались солдаты, возвращавшиеся с войны, - они селились на

вольных местах и оформляли вызовы женам и родителям. Только тогда получали поселенцы вновь выписанные в комендатуре паспорта и, крестясь и плача, прощались с земляками и с суровым краем, в котором прожили 20 лет. Уехать стремились почти все, несмотря на то, что для детей, родившихся в неволе, нарымская тайга была уже родиной. Перебирались в Новосибирск, Томск, Кемерово, на Алтай и в Казахстан. Многие стремились на азиатский юг - в Чимкент, Ташкент, Алма-Ату: намерзлись, как видно. За 5 лет - с 49-го по 54-й Первая Старица опустела на девять десятых. Впрочем, свято место пусто не бывает пришли новые люди, не ведавшие винтовки над дорогой и тоски вечной прописки. Сегодня на месте, где первые ссыльные раскорчевывали пни и сушили болото, раскинулся благоустроенный поселок с деревянными тротуарами, новой школой и домом культуры. Но, правды ради, скажу: на костях поселок стоит - как многие, многие города и веси по Сибири-Матушке...

Клишины разъезжаются тоже. О Викторе Дмитриевиче я уже рассказал. Николая Дмитриевича призывают на срочную службу, после которой он обосновывается в Красноярске. Татьяна Дмитриевна перебирается в поселок Затон, что в Западной Сибири. Александр Дмитриевич после учебы в Томске попадает на Дальний Восток... впрочем, о нем чуть ниже. Когда в 1959 году старшие Клишины перебираются к сыну Виктору в Красную Шемонаиху, Дмитрию Петровичу идет уже 61 год. Двадцать восемь лет - половина жизни - проведены в ссылке, в таежном Нарымском углу. По срокам сопоставимо с декабристами, только тех сослала а сознательные действия противу царизма, а Дмитрия - за что? За супряжицу с Федором Поздняковым? За то, что кормил батрака согласно трудовому договору? Грустно читать личное дело раскулаченного. Никакой вины - в сегодняшнем понимании. И - сосланы 11 душ...

Долго еще за детьми Дмитрия будет тянуться удавочка - кулацкие отпрыски! Довелось ее почувствовать Александру Дмитриевичу, младшему брату Виктора.

После окончания школы я поехал поступать в Томский политехнический институт, где уже учился двоюродный брат Саша Жуков, сын тетки Агафьи (и мой отец - С.Ж.). Но мандатная комиссия меня не пропустила, потому что дед Петр Калинович был богатым человеком. Взяли в Высшее общевоинское командное училище, но через 2 месяца выставили. Личное дело Дмитрия Петровича хранилось в областном управлении НКВД. О существовании этого дела мне с сожалением рассказал молоденький капитан из контрразведки, когда меня отчисляли... Делать нечего - перенес документы в Томский геологоразведочный техникум, который и окончил в 1954 году. По распределению попал во Владивосток (1955).

Был Саша Клишин живым, кудрявым, лобознательным, к наукам способным, с художественной жилкой. Кто знает, как сложилась бы его судьба, пройди он обучение в старейшем вузе Западной Сибири? Позже он сумеет еще до диплома стать ведущим проектировщиком, будет занимать инженерные должности. И с каким удовольствием вспоминает он годы учебы в Томске!..

В техникуме я очень любил лекции профессоров Баженова и Каминского по минералогии. Там была богатая коллекция минералов. Я не переставал надеяться на учебу в политехнической институте, ориентировался на геологоразведочный факультет.

Помню, как в 53-м мы встречали двух профессоров, вернувшихся после 8-летней отсидки в лагерях за "продажу секретов Камчатки". Считалось, что им повезло - были осуждены посадили на 25 лет! Мы тогда не задумывались над тем, что это была за "продажа"...

Очень много чертили тушью. Одно из заданий было: нарисовать чертеж, срезать его лезвием и нарисовать другой. Так вырабатывался навык на исправление чертежа. На срезание одного листа ватмана 24 формата уходила 1 пачка лезвий "Спутник".

После техникума я работал в геологоразведочной партии на севере Приморского края. Раз в полгода делался отчет в Хабаровск. Сдавать отчет посылали меня. Однажды я и двое приятелей заказали столик в ресторане "Дальний Восток", пригласили трех девушек, статисток из театра оперы и балета. Вечер обошелся нам в 1050 рублей старыми деньгами. Я получал тогда 2170 рублей в месяц, платил 425 рублей квартирной хозяйке, у которой снимал комнату.

Однажды, в ноябре 1955 года, целую ночь ходил в ледяном поле, застудил травму тазобедренного сустава левой ноги. Последовали операция и конец карьеры геолога. Товарищи по техникуму быстро росли, становились начальниками партий, ехали учиться уже в ТПИ - школа там была мощная...

Не было бы счастья, да несчастье помогло... После операции за Сашей Клишиным присматривала молоденькая медсестра Оля, Ольга Александровна Филимонова. В 1957 году они поженились. Дальние походы Александру Дмитриевичу были навсегда заказаны, пришлось переквалифицироваться в строителя-проектировщика. Много зданий в Владивостоке построено по его чертежам. В 1969 году он заочно окончил инженерно-строительный факультет Дальневосточного политехнического института им. Куйбышева. Получил-таки высшее образование!

... Отметим для себя 50-е годы. Семьдесят лет назад состоялось Великое Переселение на Алтай. Полвека спустя - второе переселение - Ссылка. Теперь начинается третья эпоха в истории семьи - родичи разлетаются по всей стране. Я называю этот период рода - странствия... И опишу его позже.

В колхозе

А что же происходило в Золотухе и окрестных поселках в начале тридцатых годов? Родовое гнездо было основательно повычищено ссылками, пожарами и мором.

Крестьян сгоняли в колхозы. Там тянули лямку все, кто мог работать. Агафья Петровна, моя бабка, вскоре стала бригадиром полеводческой женской бригады, и много позднее, уже имея на руках троих детей, она гнула спину в поле за трудодни... За "палочки".

В первые месяцы, как сослали родителей и брата, частенько бегала она в пустой дом, в котором выросла, бродила по нему и горько плакала... А однажды послали ее по какому-то делу на колхозный склад; огромная собака на цепи бросилась к ней, и - ну ласкаться! Хвостом машет, прыгает, рычит... Смотрит Агафья - батюшки, это же пес брата Дмитрия! Год назад был совсем щенок. Тоже, значит, угодил в колхоз... Обняла она пса, гладит его и тихонько причитает: за что же мы с тобой такие горемычные?.. Не хватает нам родительской ласки!

Плохо без папеньки с мамой. Он любили семью, всех жалели, замечали. Не дай бог какая-то царапинка: "Что это с тобой?.." Андрей Кондратьич упал как-то раз на борону, пропорол насквозь руку грязным зубом. Залечил Петр Калинович: промоет, а потом конским пометом - в тряпку и выдавит сок. Говорил: "Конь ест самую лучшую траву". Он и заговоры против болезней знал, и так заботился... Сам великий труженик, то и дело спрашивал: "Гаша, у тебя чего-то жар?" или: "Девчонки, ну-ка замените маму, занемогла..." Без него трудно. Беременна, а иди, работай!

Первые дети у Агафьи умирали. Только четвертая беременность оказалась удачной. 29-го сентября 1933 года бригадирша вынесла ее с картофельного поля, а 1-го октября на Хромой, в доме Кондратьича, родился Александр, мой отец.

Спустя несколько лет Бог даст дочку, Тамару, и здесь на декрет отмерит - два дня! Третий ребенок вынашивался не легче: 15 сентября, после страды, муж Андрей свез в больницу, а 17-го Витя родился. Через неделю пошла работать!.. Надорванным здоровьем доставались дети на заре колхозного строя. И хорошо, если было чем кормить их.

В 1931 и 1932-м был недород, - вспоминает Акулина Кондратьевна Позднякова.- Люди голодали, дохлых лошадей ели. Многие с голоду пухли, помирали... Мы не видали голоду. Братовья Тимофей и Семен - работали в заготзерне, привозили хлебушек. Господь пронес... А в 1933 случился обильный урожай - всю зиму молотили. Привезут пшеницу - ссыпай куда хошь...

Зараза была в Золотухе давно, я еще девчонкой была. Незамужние девки - опахивали Лягушовку - все ночью в белых рубахах, с иконой - тащили плуг и опахивали - чтоб зараза не подошла.

В колхоз начали сгонять в 30-м, тогда же стали кулачить, ссылать. Потом организовывали коммуны - всех лошадей, курей забрали, а через месяц - опять растаскивать свое к себе. Потому что в газетах написали - перегиб! У брата Дмитрия, Семена Петровича, был двор большой - там коммуны устроили... Опять давай всех в колхоз... Первый трактор появился, мы уже с Федей жили, - Федя едет на "Фарзоне", а за ним народу! Бегуть...

Пошла борьба с опиумом для народа - разгромили знаменитую Золотушинскую церковь, в которой было крещено и отпето столько народа... Дорого бы я дал, чтобы увидеть те церковные архивы!

В Золотушинской церкви записывали рождения, - продолжает воспоминания Акулина Кондратьевна. - Ее разгромили в 1935 году. Церковь хорошая была, огромная. Еще Петьку мово в церкви крестили, Василия - возили из Кагановичей. Когда священника выгнали, устроили сперва клуб, потом что-то людям чудиться стало - боялись ходить. Сделали загот. зерно, элеватор, а потом и вовсе снесли...

Кондратий и Наталья

Кондратия Кузьмича Жукова, моего прадеда по отцу, не сослали. В 1931 г. ему было 48 лет. Кондратий родился в 1883 - уже в Золотухе. Говорят, что воевал он в Японскую, четыре года был в солдатах... К середине тридцатых годов он остался единственным из живущих сыновей Первопереселенца Кузьмы, продолжал трудиться по хозяйству. Бывало, поедут на покос - невесткам сладко так спится на рассвете. Заглянет Кондратий в шалаш:

- Девки, вы спите? - а темно еще, в щели дует ночной свежестью...

- Спим, дядя Кондрат!

- Ну, спите, спите...

Минут через пять:

- Ну, как, девки, не встали еще? Ну ладно, спите...

- Достанет, лукавый старик! - ворчат молодки, а встают - пора приниматься за работу...

Кондратий и в тяжелые голодные годы не допускал, чтоб семья оставалась без куска хлеба. Держали скот, несмотря на строжайшие указы сдать все в коллективные загоны; делали масло, заготавливали мед, сушили травы разные и калину.

Папаша счетоводом был, я девчонка была, - говорит бабка Акулина. - Сидел в горнице переписывал души населения - всю деревню. Открывает дверь: "Наталья, как нашу Кулюшку звать? - "Кулина," - закатилась та. - "Тьфу, ты!" - и хлопнул дверью, раздосадованный...

И я - в него. Пошла воспу прививать - Колька только родился - "Как сына звать?" - Сижу: "Я не знаю..."

Рядом был Змеиногоorsk - Рудный Алтай... Велись разработки полезных ископаемых, работали геологические партии. Есть легенда, что завелась у деда Кондрахи молодая геологиня по имени Тамара... Оттого, дескать, и внучку настоял назвать Тамарой - имя-то необычное для крестьянской среды...

Змеиногоorsk на рудниках стоит, - - вспоминает Акулина Кондратьевна. - Золотушинские рудники - в Кагановиче, рядом - Шемонаихинский карьер... Риддер, Змеиногоorsk - все англичане начинали рыть. Там и по сию пору находят скелеты - люди гибли от непонятного газа, свинец, што ли, да еще эта, радиация... Взрывы были такие, что стекла в домах дрожали.

Курил Кондратий Кузьмич с ранней юности крепчайший самосад, табак домашний: сам выращивал, сушил под навесом и скатывал листья... Осенью 1942-го, когда занедужил, врачи посоветовали ему бросить курить. Бросил дел Кондрат, и стал таять на глазах...

Папаша помер в войну, в 42-м, - говорит бабка Акулина, - Хведя шшо дома был. Как папашу мы похоронили, вскоре его забрали...Кум Тимошка уже раненный пришел. Папе врачи сказали: надо делать операцию в Семипалатинске, он не стал. Ходил, охранял на току зерно, но чувствовал себя все хуже и хуже. Мало совсем лежал, умер. Видимо, рак желудка.

На 7 ноября мама говорит:

- Совсем с отцом плохо...

- Папа, что с тобой? - а его трясет на койке...

- Не знаю, доченька, наверное, помру. Кабы два раза помирать - знал бы. Может быть поднимусь?..

Говорил перед смертью:

- Наталья, как я там без тебя буду ?.. А ты без меня тут живи...

Было ему 59 лет... Похоронили мы папу, и дочь мою Анну (в 4 года умерла) на кладбище в Тельмане. Кладбище потом распахали... А дедушка Карп Андреич с бабушкой Палагой, и дед Кузьма Жуков похоронены в Кагановичах. Могилки тоже запахали...

Так умер прямой мой прадед. Другой - Петр Калинович - лег в колоде в болотистый берег Бакчара. Прапрадеды еще раньше бесследно смешались с родимой землей. Не найти тех могил. Хлеба колосятся над отеческими гробами, тайга вековая шумит над ними!

Спустя три года после смерти Кондратия Кузьмича на свет явился его внук Виктор Андреевич, будущий капитан дальнего плавания, человек необычной судьбы, с тонкой, восприимчивой натурой. Мы неоднократно будем обращаться к нему в этом повествовании. Приводим его рассуждение о памяти к умершим...

Телеграмма о смерти отца застала меня в Индийском океане... Шторм, открытый океан, мы с зерном - я старпом. Такие телеграммы поступают к капитану, их прямо сразу не отдают. Пригласили меня к первому помощнику. Уже несколько лет скорбные телеграммы - моя обязанность...

Жаль, в нашем роду могилы рассеяны, фамильного склепа нет. Кто где похоронен? Где похоронен Кондратий Кузьмич?.. Уезжают куда-то потомки. Близкие по времени, знавшие - тоже умерли. О человеке забыли! В селе Красная Шемонаиха я любил бывать у Виктора Клишина. Однажды в колхозе нам выделили бречку; мы должны были привезти глину. Копаем... А на бугре - кладбище наше деревенское. Копнули, а там - череп, кости... Крестики и звезды захоронений виднелись дальше, метрах в шестидесяти. Николай задумался, и я тоже. Люди забыли, что здесь когда-то тоже было кладбище! Мы выбрали иное направление, к речке, и верно, больше ни одного последнего пристанища не порушили... А сколько таких брошенных мест по Алтаю, по всей Руси!..

В одном из рейсов довелось быть в Генуе на ихнем кладбище. Двойные стены высотой два метра, похожие на крепостные, надежно огораживают его от мира сего. Во всех стенах, в строгом порядке расположены ниши, в которых хранятся урны с прахом. На могилах - мраморные или бронзовые плиты. Галереи скульптур. Между рядами широкие проходы. В каждом дворике - 3-4 квадрата надгробий. Надгробия разнятся по форме. Во внутреннем дворе хоронили нетитулованных особ. Порядок строгий...

На том кладбище в Генуе погребен герой итальянского Освобождения Федор Полетаев. Могила не забыта и нашими моряками. Много приношений. На ближайшей дорожке, напротив могилы - 2 стенда, куда можно подарки ставить.

Пошли мы в старую часть кладбища, к фамильным склепам. В некоторых оставлены свободные места. Через решетчатые двери видны цветы, иконы, свечи.

Не в пользу наших кладбищ это сравнение... Бывал я на Ваганьковском - у Сергея Есенина, Высоцкого, Миронова. Далеко до порядка в Генуе...

Слушая Виктора, я живо вспомнил Лисихинское кладбище, что в Иркутске, по которому однажды до темноты бродил в надежде отыскать могилы декабристов. Кладбище было огромным, неустроенным. Надгробные памятники ссыльных дворян я обнаружил уже затемно - скромные гранитные столбы, которые, однако, надежно хранили память о людях, ушедших полтора столетия назад... И тут же другое воспоминание - в красноярской тайге, близ заброшенного поселка Мариинский Рудник, я, пацан, натыкаюсь на развалины часовенки, вижу в зарослях густого ельника скульптурную группу и чугунную плиту с надписью "здесь покоится купец 1 гильдии..." Долго стоял я, зачарованный прикосновением к далекой, неведомой жизни. И сразу наплывает Горновка - деревни нет, только ямины от фундаментов, поросшие травой, и крошечное кладбище с двумя-тремя покосившимися крестами, на которых едва ли разберешь фамилию... Кочевники мы, и горько это сознавать... Учиться нам надо у других сословий российских!

Но вернемся к живым!

Наталья Карповна, прабабка моя, была полной противоположностью мужу: веселая, смешливая, кокетливая. Мужа уважала, но бояться не боялась. Певунья была и плясунья, модница отменная; первая деревенская кокетка. Уже и в старости и спеть, и погулять любила - а все в меру...

Бабка Наталья жила поочередно у нас и в семьях других сыновей - Тимофея и Семена, - рассказывает Виктор Жуков. - Одевалась старомодно - в *пары* (цветастые кофты и однотонные, часто черные, юбки очень простого покроя, длинные, сборками, почти до пят). Носила крестик, возила иконы, изредка крестилась, но веры в ней не было: дань общественному мнению и сельской привычке... При переезде весь скарб возила с собой: здоровенный зеленый сундук (раньше был обит жестяными полосками и ярко раскрашен). Интересно было заглядывать в него: внутренняя поверхность была оклеена старыми деньгами - клеилось хлебным мякишем или кусочком теста. Лежала приготовленная пара смертная... Шмутки свои иногда развешивала - море юбок, как у цыганки Рады. Бытовало мнение (от Агафьи Петровны), что Наталья хочет быть "владычицей морскою".

Перед обедом она открывала в сундук. У нее там стоял шкалик и рюмочка. Выпивала рюмочку (это называлось "погорячиться") и ставила на место. Было ей около 70-ти лет. Была *приличная*, выглядела свежо - оттого что в голову много не брала. Годам к 75-ти старческое появилось, но толстой она не была...

...Прабабка Наталья, веселая грешница, мои мысли о тебе, много любившей и страдавшей через это. Ты собирала разнообразную дань - и любви, и ненависти. Тебя мучительно любил муж и ненавидели снохи, которых ты заставляла работать сверх меры... Тобой воспламенялись чужие мужики на протяжении всей жизни... И даже в конце, уже пожилой женщиной, ты имела дружка, который был на тридцать лет моложе! Что за токи шли от твоей натуры? Что за призыв ты источала вокруг себя?

Притягательная женская сущность! Нет-нет да одаряет природа бабу качествами, из-за которых мужики сходят с ума... Я знавал одну такую в прежние времена: в ней не было ни проблеска мысли, она не умела связать двух слов, но стоило ей пропеть тягучим своим голоском: "Серге-ей!", как дрожь прошибала все мое существо. Передо мной победно вставала Женщина, и это было очевидно, всезаглушающе, непреодолимо...

Ты, несомненно, имела вкус пощеголять. Плясунья первая - бывало, пойдешь плавно по земляному полу, полненькая, задастая, плечиком озябнешь, бровью поведешь, улыбнешься таинственно - мужики млеют... А хохоту от тебя - по любому поводу! Тамара девчонкою отправилась однажды с тобой в соседнюю деревню. Она до сих пор - спустя полвека! - не может без смеха вспоминать, как ты споткнулась и побежала, не в силах остановиться, и бежишь, и не падаешь, и хохочешь, хохочешь... Один круг возле большого валуна, другой, третий, и смех, и грех; наконец, ты валишься в снег, ослабев от хохота, а маленькая девочка падает рядом, и тоже смеется до слез, и вы забываете, куда шли... Возвращаетесь домой, тихие, просветленные, счастливые, обе - старая и малая - чутко прислушиваетесь к чему-то в глубине себя...

Что за бесы гнездились у тебя внутри, что за огонь горел в твоей душе? Не отгадать уже...

Но и ленива ты была, голубушка... Еще молодухой - чуть что - улизнешь с заимки, от мужа, от работы: то мама у тебя в Золотухе заболела, то себя неладно почувствуешь. Но зато как стала свекровью - снох своих не жалела: через неделю после родов они у тебя уже ворочали тяжеленными бидонами с молоком. Затаенная обида на десятилетия...

Свекровкой, любила ты понежиться на коленях у снохи - пускай в твоих редеющих волосах *поишшется*. Тогда и увидела Агафья два гладких белых рубца на черепе, которыми наградила тебя разъяренная жена любовника, застукавши вас в баньке, в жарких объятиях. Приласкала лопаткой, оставила память!

Натерпелся через тебя прадед Кондратий... Но - прожил с тобой жизнь, суровый мужик! И счастливо, видно, раз перед смертью самой тосковал: *"Наталья, как я там без тебя буду?.."*

Федор Поздняков

Я уже не однажды упомянул Федора Позднякова, который стал формальной причиной высылки Дмитрия Клишина. А парень был - веселый, хороший. Только уж больно неумный, шепутной! И до нового охочий. Помните: - *"Хведя едет на "Фарзоне", а за ним народу! Бегуть.."*. В 36-м его отправили в Усть-Каменогорск на курсы мотористов. 6 месяцев учился работать на больших гусеничных тракторах. Вернулся, стал первый парень на деревне...

Федор Гаврилович был высок и силен. Выпить и покурлесить любил. Родные вспоминают о его выходках с неизменным смехом.

Как-то у Стребковых свадьба гремела, гости пили, плясали от души. Выходят со двора - разъезжаться, а лошади в пене стоят. Что такое?.. Не поймут. А это Федька Поздняков девок катал по деревне, отвязал втихаря...

Озорвал он нередко, зато и необидчив был.

Шли мы как-то с Лягушовки на Хромую в гости, а Хведя мне покоя не дает - то обуи его, то разуи. Начну разувать - орет, начну обувать - орет... Ну, братовья мои, Андрей с Тимохой, ему и намяли бока... Меня защищали.

После частенько спрашивали с притворной заботой:

- Ну как, Федька, таперча нога не болит?

- Нет, робята, на место стала... - торопливо отвечал он, смеялся.

А ведь тогда взаправду ногу вывихнул...

Колхоз есть колхоз. Возят пшеницу с токов - в мешки и в город на сдачу. Решили гульнуть по-деревенски. Бухнули, а подраться не дали. Как отомстить?.. Просыпаются люди - что за чертовщина - мешки с зерном стоят на завалинке. Кинулись разбираться. Дознались, что пьяный Федька ночью трехтонку зерна раскидал по дворам и дома отсыпается. К несчастью, и себе свалил пару мешков... Осудили - за воровство. А была - удаль дурацкая, бесшабашная... Не со зла шутовал - от силы, что била через край.

Ушел он на войну в 1942 (сперва по брони был), пришел в 1945-м - в сентябре. Лежал в госпитале, нога перебита правая - на костыле. Шкура приращена, 9 месяцев лежал. 40 км не дошли до Берлина. Был связистом, катушки таскал...

Вернулся посерьезневшим. "Порою засядут за стаканом- отец, дядя Федя Поздняков - вспоминать о войне, у них свои разговоры, тогда не подходи!" - рассказывает Николай Тимофеевич Жуков.

После войны Федор Гаврилович стал председателем колхоза в Красной Шемонаихе. А сынишка, Петро, работал у него кучером. Жеребец у Федора Гавриловича был - мечта: гладкий, сытый, ткни - кровь на полметра брызнет. Однажды Поздняков говорит.:

- Кулюшка! Коня запрягаю. В райком поеду, на совещанию. Там и заночую.

На следующий день приехали представители из района, домой к председателю - а его нет!

- Так он же у вас!

- У нас? - удивились гости.

Петро-то знал, где отец, помчался на тройке в райцентр, застаёт отца в кровати у любовницы.

- Папаня, вставайте. С району приехали...

- Смотри, матери не говори!..

Сколько я через него, проклятущего, слез пролила, - говаривала бабка Акулина, а у самой веселые чертики в глазах прыгали...

- Кулюшка, куды, зараза, самогонку дела?

- Так вон же, в чайнике, сам залил, чтоб от меня спрятать.

- Тьфу ты!..

Федор Гаврилович умер в 1975 году от язвы желудка. Сжег себя вином... Вот как бывает. Человек незаурядный, а себя не применил. Вполне по-русски.

Военное лихолетье

Оно видится мне из тыла - глазами сородичей. Женскими и детскими.

Агафья Петровна была бригадиром картофелеводческой бригады. И при муже - не пришлось деду Андрею воевать.

В ноябре 1941, сразу после смерти деда Кондратия, - вспоминает Агафья Петровна, - Андрея взяли в армию, повезли на Восток. Служил он в Биробиджане, и через 4 месяца вернулся, ходил с палочкой. В боях не участвовал, в строю не ходил... Моргулис, военный комендант, лейтенант, освободил его по здоровью. Посылали Андрея мово на перекомиссию в Хабаровск, признали здоровым. А он уронил документ, испачкал (ай, плохо! - иронизирует бабка). Моргулис его пожалел, комиссовал. По документу - вроде нездоров, но слова не разобрать - чуть печать виднелась, где незатоптано. Я страшно боялась, что обнаружат его - за детей боялась: будет мой Саша сын врага...

Зато другого деда - по материнской линии, Федора Сафоновича Латкина, - призвали в первые дни войны, говорят, с поезда сняли, от мачехи из Алма-Аты возвращался, и зачислили в один из сибирских конных полков. В 1943 году из-под Ростова-на-Дону придет извещение: пропал без вести... А как жилось в Бийске жене его, Евдокии Кузьминичне, с детьми - Надей, мамой моей, и братом Володей?

"...Пока отец был жив, мы с Володей детьми бегали в офицерскую столовую, получали там обеды в судках: видно, отец пересылал талоны на пайки с фронта. Когда пропал без вести под Ростовом-на-Дону (1942) - как отрезало.

...Зима 1941/42 была очень суровая. Мама каждое утро вставала рано, ходила через кладбище - там шла дорога - и по купала мороженую картошку, которую на санях везли из-за Бии, из Турочакской тайги. Если картошку оттаять в ведре с холодной водой, она потом несладкая. Турочакская тайга богатая: птицы, звери, грибы и ягоды. На Алтае любят калину парить вместе со свеклой. Таежные люди так парили в русской печи, потом привозили в город в бурдюках и продавали. Бурдюк - это мешок из кожи или из желудка (?).

В ту пору Надя Латкина могла видеть в городе множество интернированных литовцев. Но вряд ли знала, что в первую военную зиму литовские дети один за одним умирали от морозов и холода. А взрослых по ночам расстреливали в сарае местного НКВД, прямо в яме, заливали известью и загоняли на трупы новую партию обреченных... Об этом рассказал нам зампред местного горисполкома, когда в 1990 году я в составе семинара побывал в Бийске. Тем перестроечным летом из Литвы приезжали родственники, почтить память невинно замученных. При поддержке исполкома поставили крест из лиственницы высотой 5200 мм, прибили на него распятие - его в первую же ночь украли...

Почти все молодые мужики нашего рода прошли через войну. Большинство сложили свои головы в боях за Отечество. Ванька, Семенов сын.

Тимофей Кондратьевич Жуков воевал с 40-го до 45-го, до Берлина дошел. В кисть угодил осколок сбоку, выбил все суставы пальцев. Косточки выходили с другой стороны. Пальцы скрюченные.

Отца моего, Сашку Жукова, отдали в среднюю школу в другое село. Хозяева отбирали продукты, что давала ему мать, держали мальчонку впроголодь. Но учился он хорошо. 9 мая 1945 года он услышал по радио сообщение о завершении войны. Бросился в Горновку бегом. Прилетает домой, а никого нет - все в поле. Он туда! Бежит к людям и голосит: "Победа!.. Победа!.." Женщины выпрямляются от грядок, не верят. Потом - плакать начали. Так Сашка Жуков принес весть о победе.

Андрей и Агафья

Жизнь у Агафьи с Андреем Кондратьевичем, как-то не заладилась, - спорили часто, ругались ночами... Кто тут виноват? - Андрей, с его непоседливым характером художника, выпить не дурак, или Агафья - смолоду Петровна, властная, хозяйственная, всюду стремящаяся к первенству? Сошлись две крови, две разных натуры: мечтательная жуковская и хозяйская клишинская!

Труд в поле был Андрею Кондратьичу не по нутру, зато стал он классным бухгалтером, сельским интеллигентом, зарабатывающим на жизнь умственным трудом. Первым в роду! На одном месте ему не сиделось; семья колесила за ним из деревни в деревню, из колхоза в колхоз. Это тоже способствовало накоплению стихийного опыта семейства.

Начал я себя осознавать в Зевакино, на Иртыше, - рассказывает Виктор Андреевич Жуков. - Отец был самолюбивым, мобильным. Сменить место работы ему ничего не значило. Мы дрейфовали за ним. Совхоз им. Кагановича - совхоз "Серп и Молот" - Красная Шемонаиха - Шемонаиха - Зевакино - Глубочанка (рядом с большим селом Глубокое, колхоз "Прогресс", где я начал учиться в школе, где застала нас смерть Сталина) - село Лазурка Змеиногорского района - Джекказган... Крутились на небольшом пяточке.

К Джекказгану сельхозтруда не осталось. Но всегда был свой огород. Сажали картошку, огурцы, помидоры, укроп, свеклу, тыквы. Кашу с тыквой мама готовила - объединение. А калина, пареная в горшке, - пальчики оближешь!..

Не одни они из сородичей кочевали.

В Усть-Таловку, что под Усть-Каменогорском, мы переехали в 1943 году, когда отец пришел с фронта, - вспоминает Николай Тимофеевич Жуков. - Спрашиваешь, почему? До Революции и в первые годы после нее в Золотухе жили вольготно. "Кум, тебе хватит земли от этой чаши до того увала? Ну и пластай!" К началу тридцатых началось притеснение... У единоличников землю потихоньку отрезали. Поначалу терпели, а к концу 30-х - началу 40-х крестьяне стали переселяться в соседний Восточный Казахстан. В Казахстане - по тогдашним законам - жилось легче. Кто-то из тамбовских уехал первым, потянул другого, третьего. Целый куст переселился...

Несколько лет Жуковы прожили в колхозе имени Эрнста Тельмана (село Америка), наполовину составленном из сосланных в Казахстан поволжских немцев... Здесь же были и сосланные татары, а позже чеченцы. Если Дмитрий Петрович Клишин в Нарымском крае нес все тяготы неволи, то его сестра волею причудливой судьбы стала наблюдательницей чужих ссылок. Живя по соседству с немцами, она и ее дети выучились объясняться по-немецки.

Из Кагановичей в Тельман переехали в 39-м . Немецкий поселок. Война кончилась - поехали кто куда. У меня дочь Маруся как немка была, разговаривала отлично. Немцы старожилы были. В войну еще немцев начали к нам ссылать, и чечен ссылали. Хороший поселок - в 2 ряда, тополя, ручейки. По шнуровке дома размечали. Тимофей, Андрей переехали. Федор Гаврилович - я настояла...

А у немцев было чему поучиться... Жили они чисто, хозяйственно, экономно. Соседка Тереза, скажем, готовила всегда ровно на количество человек, которые сядут за стол. Для внезапного гостя приходилось снова ставить горшки в печь, зато продукты у Терезы всегда были. Делали немцы кровяную и копченую колбасы, зельц, пекли хороший хлеб, варили сыр из молока, изготавливали мыло из старого сала. Улицу свою выстроили так: разметили по нитке места под дома и ограды, и всем миром провели стройку, сообща же посадили деревья перед домами. Выросла аккуратная немецкая деревня. Были они очень работящими; ходили в опрятной одежде, блюли свою веру и родственные отношения, были немногословны и педантичны...

Документально Андрей Кондратьевич и Агафья Петровна были зарегистрированы в ЗАГСе после 25 лет супружеской жизни. Эпопея развода тянулась много лет (с 1961г. по 19..?). После развода дед много лет мотался...

Аккуратный был дед, кокетливый даже! На пасеке жил - и то все у него чин-чинарем, и сапоги до блеска чищены, и запах одеколона в шалаше, - свидетельствует один из моих троюродных братьев, живущий в Красной Шемонаихе.

Чисто символически Ивана и Марию Верхошеновых назначили крестными Виктора. Дед Андрей пытался сойтись с Марией, когда Иван умер.

До 1976 года Андрей Кондратьевич жил в Шемонаихе, в одном доме с Николаем Поздняковым. Потом сыновья Виктор и Александр купили ему дом в Петровском, что во Владимирской области, недалеко от Кольчугино. Деревенька была почти вымершая, но место чудесное. На холме, усаженном липами, виднелась мощная, разоренная, но не разрушенная церковь со старым кладбищем. По улице весною бил в нос дурмящий запах черемухи, вишневый цвет радовал глаз. Три барские пруда привлекали рыбаков издалека. В луговине весело журчали

живительные роднички. Поодаль располагалось большое село Красная Гора, - говорят, название шло из незапамятных времен, когда русские схватились с ханом Мамаем, и гора от побоища окрасилась кровью...

Деду деньги послали, чтобы он приехал. Думали, что с бабкой сведут их. Нет, Агафья Петровна то ли злость погасить не могла, то ли просто отвыкла от крестьянского труда, и ее страшила сама возможность возобновления ненавистной деревенской жизни. Деду было беспризорно... Един, как перст, и соседей в забытом Богом сельце Петровском - одна семья.

Там, в новогодние дни 1979-го, он и скончался в своем деревянном доме. Приехал отец к нему 4-го января, а дед - холодный. Похоронили на Кольчугинском кладбище... Через 13 лет рядом с ним ляжет его сноха. Мама.

На лошадах

Все мое детство было связано с лошадьми, - не спеша начинает Виктор Жуков. - Послушай-ка некоторые из историй...

Ехали мы как-то на ходке с отцом, Андреем Кондратьевичем. Так называют легкие дрожки, кошевка плетеная с облучком. Транспорт был служебный, отец же, подгадав под праздники, выпросил его для поездки в гости.

Было это под Зевакино. Собрались втроем - отец, мама и я. Запрягли двух лошадок. Недалеко от Шемонаихи, где дорога спускается с крутого каменистого спуска, лошади понесли. Могли разбиться, наверняка... Отец попытался удержать лошадей, но вожжа порвалась. Мама выкинула меня в сторону - я скатился под склон, она же выпала, но осталась на склоне, потом сползла ко мне...

У отца вожжи были намотаны на руку. Он оказался под ходком, и лошади протащили его по склону. Одежда и кожа были разодраны - страшно глядеть...

Встречал нас в Шемонаихе дядя Семен. Ахал, охал... Отец ходил с голым торсом, не мог ничего надеть. Мама и я отделались легкими ушибами...

В тот же сезон поехали мы с отцом в поле Я всегда с отцом напрашивался - он не отказывал. Заночевали мы на бригадном стане. Наутро собрались ехать - а тут этакая громадная туча... Пошел ливень с градом. Недалеко паслись лошади - десятка три. А град лупил необыкновенный - с голубиное яйцо! Я было выскочил из `шалаша, но, получив по голове ледяным катышем, завыл от боли. Даже шишки вскочили!

Лошади металась под секущим градом. Бедное животное не понимает, откуда это наказание. Некоторых лошадей нашли только на следующий день. Работать на них было невозможно - крупы кровоточили...

Помню, мастерили плетни из ивовых прутьев секциями метра по три. Плели их на острове Иртыша. Остров отделялся узкой протокой от берега. Мы с отцом вывозили. Нагрузили плетней - высоченную кипу. Трогаемся. Я сижу наверху и держусь за веревку. Дорога грунтовая, давно неезженная. Колесо попадает в колдобину, и вся наша поклажа валится на землю. Я - лечу, качусь в траву. Трава по грудь. Отец меня ищет близко, а я лежу далеко, слышу, он зовет меня, но ни пошевелиться, ни крикнуть - не могу. Долго он меня искал. Потом я сам нашелся: шоковое состояние

кончилось - выполз. Отец суровый, немногословный, не ругал меня, но и телячьих нежностей не проявил.

У Андрея Кондратьевича был персональный Савраска, буланый конек ярко-песочного цвета, невзрачный на вид, но мощного сложения. Трудяга! Отец им гордился. Для районных гостей предоставляли ходок с парой вороных, поретивее, чем Савраска. Районная власть с нашим председателем поскакали, обогнали, помахали - дескать, Кондратьич, догоняй! Мне до слез обидно, а отец сохраняет спокойствие - не спеши, мы их обставим... Подъезжаем, а они застряли в бочажке. Оба вороных дергаются, выбраться не могут.

Отец подъехал, посмотрел, поругал кого-то: "Попросите меня, хорошенько". Заставил выпрячь вороных, впряг Савраску - да не совсем, а как-то вожжами! И выдернул с напрягом! Потом они, гости, лихачили вокруг нас, но у бочажка-то подождали, ноги разминали, сами не перебирались. Мое самолюбие было удовлетворено...

Дед Андрей в конце 50-х годов

Однажды отец задумал построить лодку, - рассказывает Виктор. - Почему у него возникла такая мечта, не знаю, но страсть эта буквально сжигала его...

- М-да, это была чистая мечта, фантазия, дурь, как называла ее моя мать. Она сердилась на отца: досками был заложен весь коридор...

Ты только вдумайся: до ближайшей канавы, заполненной водой, было километров тридцать; никаких рек в округе Джекказгана не наблюдалось, а ему втемяшилось построить лодку, да не какое-нибудь плавсредство, а настоящую, килевую. Лодка грезилась ему - с крутыми изогнутыми боками, с острым носом. Целый корабль он задумал... И мечта не давала покоя.

- Зачем? - спросил я капитана.

- Я тоже задавался этим вопросом, когда стал постарше. Видимо, отца это не интересовало. Он загорелся идеей, как истинный художник. Ему важно было воплотить идею в жизнь, а что потом - для него не имело значения... Живописец, когда вынашивает замысел картины, ведь не думает о том, в какой гостиной она будет висеть.

Где отец раздобыл нужные доски, я не знаю. Но дерево подбирал специальное и сушил его дома. Тесный коридор от штабеля досок стал почти не судоходным; о них вечно спотыкались, мать все время ругалась, а отец упрямо сушил! Два года! Норовистый был.

Кажется, на четыре лодки досок бы тех хватило, но отец по окончании просушки стал безжалостно выбраковывать те, что были с сучками или волокна шли не туда... Причуда или интуиция мастера?

Весь смысл для него заключался в создании своего детища. Помню, вернется с работы, сразу за стол - что-то рисует, чертит, считает...

Никто в нашем доме не принимал в его труде такого горячего участия, как я, - продолжал капитан. - Я буквально пропадал с отцом за домом, под навесом, где он развернул свою судовой верфь.

- Ты видел и само строительство?

- Еще бы! Строил отец лодку месяца три, считай, все лето... Где узнал технологию - не знаю, он ведь никогда не занимался этим делом. Но мастерил он, как я теперь понимаю, по науке.

Сначала он вытесал киль из толстого бруса (примерно 100-120 миллиметров), придав ему закругления на концах. Вертикальные части: форштевень и ахтерштевень - были выполнены отдельно и в шип соединены с килем. Киль и штевень заклинивались калиброванной шпонкой - чопом - из того же дерева, чтобы температурное расширение было одинаковым. А во избежание вращения вокруг чопа штевень крепился к килю еще и кницей.

Потом отец построил каркас из гнутых шпангоутов, стянутых гнутыми же планшерами - верхними бортами лодки.

Чтобы придать шпангоуту нужную форму, отец кипятил воду в котле, распаривал брусочек и вставлял его между кольями, вбитыми в грунт по нужной дуге. Дерево многократно обливалось кипятком и высыхало, пока не привыкло к своей форме.

Так же гнулись доски обшивки. Начиная отец обшивать лодку от киля; каждая последующая доска шла внахлест. Но уж лодка, племяш, удалась на славу! Она и сейчас стоит передо моими глазами - большая, человек на шесть, остроносая, крутобокая. Как судоводитель-профессионал, я осознаю, что отец построил хорошее судно, сбалансированное, с отличной остойчивостью. Сделал, испытал в пруду, в соседнем районе - то-то был счастлив, что выполнил мечту... И сразу подарил кому-то.

Тарзан и Розка

(рассказ Виктора Жукова)

"...Жили мы тогда в большом селе Зевакино, что расположено на границе Сибири и Казахстана, у самого Иртыша. Когда-то здесь протекала река, но она ушла дальше, к колкам, и на приречной равнине раскинулись дома, сады, большая сельская церковь... Наш дом стоял на обрывистом взгорке, который был когда-то правым берегом Иртыша. Дом возвышался надо всей равниной, и далеко за

деревней виднелась серебряная прогнутая лента реки, то синяя в непогоду, то розовая на закате. Я очень любил наш дом, и ни за что не променял бы его ни на один из тех, что стояли на равнине.

Старший мой брат уехал в Томск учиться в институт, и мы им гордились. Мы остались вчетвером: отец, мать, сестренка и я. Еще, конечно, куры, овцы и корова, но с ними я общался мало. Зато собачки - вот были мои друзья.

Старшую звали Розкой. Она была дворняга, маленькая, с белыми и рыжеватыми пятнами по шерсти, хвостик кольцом, и старенькая уже. Зубы у нее частью выпали, глаза слезились, и она любила подолгу греться на крыльце, на солнышке. Зато голос у нее был удивительно молодой, задорный, чистый, звонкий, так что когда заливалась она лаем, лай был слышен на всю округу!

Полгода назад Розка приволокла в зубах щенка. Одно-единственного. Но зато какого! Он был серый, лобастый и во всем похожий на волка, только мордочка у него была тупая, да ушки были узломаны, выдавая дворовое происхождение, а не торчком, как у дикого зверя. Глаза у щенка были зеленые, с белоснежными белками, лапы были мощные, грудь широкая. Щенок обещал вырасти в серьезного пса, и мы назвали его Тарзаном.

II

Как Розка умудрилась произвести на свет Божий такого богатыря, принести в зубах и выкормить? В нем явно видна была волчья порода. Щенок рос не по дням, а по часам, бесшумно бегал по двору, смешно заваливаясь в сторону.

Звериная статья то и дело давала себя знать. Вдруг он пригибался и, стелясь по земле, крался к сидящему на кусте смородины воробью и прыгал точно, не шутя, стараясь поймать добычу.

С Розкой отношения у него были самые нежные. Розка вылизывала его, не спускала с него глаз, пока он бегал по двору, и вообще оберегала его как могла. Первое время она никого к нему не подпускала, только мою маму, которая приносила Розке еду и для которой она делала исключение: мама могла даже погладить Тарзана. Но если она делала попытку взять щенка на руки, Розка начинала рычать, иногда срывалась на фальцет: "Р-р-р - гав!", и мама предпочитала "держаться от греха подальше".

Однажды я услышал, как из-под горы, с равнины, доносится отчаянный, звонкий, захлебывающийся лай Розки. В нем было столько смертельной злобы и вместе с тем страха, что мне стало не по себе. Как будто ей угрожала опасность. Ни

ее, ни щенка мы не видели уже целый день и не особенно волновались, они часто убегали из дому, ведя жизнь наполовину среди людей, наполовину в природе.

Я кубарем скатился с возвышенности, по крутой тропинке, продираясь сквозь кусты, перепрыгнув через канаву, побежал к густым зарослям травы, откуда был слышен уже не лай, а непрерывное жалобное и ожесточенное взвизгивание нашей Розки.

То, что я увидел, заставило меня вскрикнуть:

- Вот это да!

Розка дралась с огромным рыжим псом по кличке Кучум. Она была вся в крови. Как рыжая машина не прикончила ее до сих пор, я не знаю. Скорее всего, в этом была заслуга маленького Тарзана. Он вертелся в кругу битвы, и как только Кучум поворачивался рычащей пастью к Розке, Тарзан молча бросался на него, норовя укусить за ляжку.

Я закричал, потом схватил палку и разогнал собак. На Розку было страшно смотреть. Правая передняя лапа была исполосована, на боку был выдран изрядный клоч шкуры, морда вся сочилась кровью. Самое неприятное станет ясным позже - Розка в бою был серьезно повредила глаз.

Что произошло в травяных зарослях, так и останется тайной. Мне было понятно одно: Розка защищала Тарзана. Иначе старушка не отважилась бы на такой отчаянный поступок. На щенке повреждений было меньше, только левое ухо болталось двумя лоскутами. Но Тарзан не скулил, а сразу бросился к матери и стоял молча, широко расставив крепкие лапы, пока Розка, сама израненная, зализывала его.

Я рассказал дома об этой битве, и с тех пор мы еще больше полюбили Розку. Мы долго лечили ее. А о Тарзане отец сказал: "Славный волкодав выйдет".

III

Пролетела зима, бурная и голодная. За это время волки нередко подходили к селу, и мы слышали ночью их протяжный, тоскливый вой.

Вокруг дома у нас была изгородь в две горизонтально прибитые жердины, через которые свободно могла прошмыгнуть овца или собака: только корову Аньку они и останавливали. И однажды отец увидел, как в сумерках между жердей мелькнула серая тень.

- Тарзан! - крикнул отец. Наш пес уже дня два где-то бегал, и Розка пропадала вместе с ним. Но тень метнулась в сторону. Это был волк. Лошади испуганно храпели в конюшне.

Наутро отец увидел цепочки волчьих следов вокруг дома. И запретил нам с сестренкой одним ходить в деревню. Теперь он отвозил нас в школу на санях. Но в этот же день Тарзан и Розка вернулись и стали сопровождать сани. Где они были? Я не знаю, только на Тарзане видны были свежие раны.

Тарзан стал мощным красивым псом. Грудь у него была широкая, шея мускулистая, над ней красиво возвышалась лобастая голова. Задний крестец тоже был широкий; мощные лапы прочно упирались в снег. Серая густая шерсть отливала здоровым металлическим цветом. От него веяло силой и спокойствием. Я никогда не слышал, чтобы Тарзан лаял. С нами он бывал очень добродушным, только иногда, если что-то ему не нравилось, слегка рычал и обнажал большие белые клыки, ровно блестящие из-под подрагивающей губы.

Это случилось под утро. Мы услышали рычание Тарзана, с которым слился чей-то злобный ответ, и следом залиvistый, тревожный лай Розки. Отец, а за ним и я выскочили на крыльцо. Во дворе Тарзан дрался с волком. Два больших, сильных зверя катались по снегу, рыча и ожесточенно рассекая друг друга быстрыми, грозными клыками. Розка крутилась тут же, в кругу битвы.

Отец молча нырнул в дом, схватил ружье и побежал к сплетенному серому клубку - как был, в валенках на босу ногу, в тулупе, надетом поверх трусов и майки.

- Папа, вы попадете в Тарзана! - что есть силы завопил я.

- Подожди, сынок, - на мое плечо легла ладонь матери. - Не кричи отцу под руку.

Отец ногой отогнал Розку и стал водить ружьем вослед за рычащим, визжащим сплетенным клубком, оставлявшим на снегу шерсть и пятна крови. Он никак не мог прицелиться в волка.

Наконец он выстрелил. Короткий визг был ему ответом. Клубок распался; волк, оставляя цепочку кровавых пятен, странно прихрамывая, нырнул под плетень. Розка рванулась было за ним, но, остановленная окриком отца, вернулась к Тарзану. Тот сидел на снегу и мелко дрожал. Несколько картечин попали и в него, но он не был опасно ранен. Розка бросиласьлизывать его. Мы с матерью уже бежали к нашему защитнику.

С того дня у Тарзана наметилась одна особенность в поведении. Он не перестал быть бойцом, но панически боялся теперь грома и молнии. Было странно видеть, как этот сильный, мужественный пес сгибается, льнет под юбку к моей маме, лишь только на небе раздастся первое отдаленное ворчание, и на землю падают

первые капли дождя. Видно, шок от выстрела, от вспышки пламени, ожог от шальных картечин оставили в его психике устойчивый след.

В такие минуты Розка всегда прибегала к нему и повизгиванием и легким покусыванием старалась успокоить своего сына. Это всегда смотрелось странно: смятенный пес-богатырь и его смелая крошечная родительница, которая свободно умещалась под его брюхом.

IV

Розка и Тарзан выручали нас не однажды. В один прекрасный день к нам в дом забрались цыгане: мужчина и две невытые девки. Они были приезжие, но, как видно, выследили время, когда дома никого не бывает. Это было нетрудно: сразу за нашим огородом начиналась травяная степь.

Войти-то цыгане вошли, а выйти - не тут-то было. На крыльце их встречал Тарзан собственной персоной и на попытку приблизиться ответил дружелюбным рычанием. Когда цыгане увидели его клыкастую улыбку, они все правильно поняли. Попытались, правда, еще вылезти через окно, но тут Розка замкнула кольцо окружения: по ее сигналу Тарзан показывался из-за угла и предупреждал: "Ребята! Давайте жить дружно".

Пришлось беднякам дожидаться моих родителей. Сказать по правде, это было самым разумным решением, потому что те отпустили их с миром. Незлобно жили.

Да, были Розка с Тарзаном членами нашей семьи. И когда погибали - не забуду черных тех дней. Это было семейное горе, будто хоронили мы близких людей.

Розка погибла нелепо. По субботам мама топила баню кизяком - это высушенные брикеты из навоза, смешанного с соломой. Пришла она в баньку пораньше, заложила топку брикетами, да и ушла хлопотать по хозяйству. А когда пришло время топить, вернулась, разожгла печь, еще и заслонку поленом подперла. И не увидела, что Розка в печь забралась. Она от холода спряталась в глубину топки и, видно, на мать не среагировала ни в первый раз, когда та кизяк накладывала, ни когда поджигала: свой ведь человек, кормилица, чего рычать-то. А уж как потянуло жаром и дымом, попробовала наша Розочка выскочить, а дверь чугунная заперта. И нашла ее мама у дверцы полусгоревшей, все внутренности уже почернели.

Господи! Что с нами было! 40 лет прошло, а я до сих пор без слез вспоминать не могу. Мы с сестренкой так ревели в два голоса, что мать уж и за нас

перепугалась. И повела домой, оставив Розкин трупик на дворе (отец к тому часу еще не вернулся).

Вернувшись, она поняла, что совершила роковую ошибку. Около Розки сидел Тарзан. Нашего волкодава где-то черти носили, а тут он как раз объявился. Я никогда - ни до, ни после - Тарзана таким не видел. Он стал диким, шерсть дыбом, а в глазах - смертельная тоска. Человечья! Если бы сам не разглядел, не поверил бы, что собака так смотреть может. Тоска и огромные слезищи катились по морде.

Казалось, Тарзан забыл, кто мы. Он никому не дал подойти, а когда над степью сгустилась ночь, он поднял морду к небу и завыл. Это был дикий, тоскливый вой волка! От него мы, дети, плакали, прижимаясь к матери, и было нам жутко.

Три дня Тарзан не подпускал нас к Розке, три дня правил он свою тризну. И уж когда голод сломил его, мы обманным путем выкрали несчастную собачку и похоронили.

А вскоре один приезжий подонок застрелил Тарзана. На шкуру. Мы поначалу его и не хватились: после смерти Розки он мог пропадать чуть ли не на неделю; на привязи пес наш никогда не сидел. А когда кинулись искать, было поздно. Товарищ отца показал двор, где сушилась шкура нашего любимого зверя. Горе-охотник был наказан, да в этом ли дело?

Со смертью Розки и Тарзана кончилось и детство. Долго жило горе в нашем доме... Никогда потом, став взрослым, не заводил я собаку. Никогда..."

Джезказган

Джезказган... Джезказган... Сон ты или явь?

Металлический копер, железная сварная лестница наверх, вокруг подъемной клетки, сетками укрытое квадратное пространство для ее подъема. Сетки поперек ограждают пролет от пролета - не улетишь вниз. Отец - еще молодой - руководит заключенными, и отец - старик, сам заключенный. Пульт управления клетью из черного эбонита.

Дальше - каменистое плато, россыпи взорванной породы, ПАЗик для развозки горняков. Лагерь "Комсомольский", где умерших зэков забивали в ящик из необрезанных досок - сквозь щели синеют мертвые тела валетом, к ноге прикручен кусочек фанеры с номером, выведенным варом - и в выдолбленную неглубокую канаву; пусть присыпят землей со снегом, но ее сдувает утренний стылый ветер, сдувает снег и - наружу скорбные ящики...

Зэков ведут на работу мимо дома на Крестовском поселке. Они останавливаются в луже и стоят: протестуют - не хотят, чтоб гоняли каждый день сквозь эту лужу... Взрывы в шахтах, отдающиеся звоном посуды в доме.

Водопровод в степи, первое водохранилище, белки-летяги, "чеченград", ежиха с ежатами, подобранная в траве - мои первые детские впечатления.

Высоченный сплошной деревянный забор, отгораживающий шахту-зону, вышки, - все полуразрушенное... Гипсовые лебеди перед столовой, обнимающие друг друга длинными шеями и крылами - плод творчества зэков. Полуразрушенный шахтный ствол, в котором свищет угрюмый ветер. Подстанция, обрывки проводов. Здесь когда-то была жизнь.

Жизнь на границе со смертью.

Родильный дом: справа в километре лагерь, слева - лагерь в трех километрах. Посередине - больница, где рожали и свободные, и женщины из зоны. Там родились и мы с братом. Приземистые одноэтажные длинные домики, наподобие барачков... Длинные сосульки свисают с крыши: начало марта... Солнце прогревает сквозь деревья, на территории больницы есть посадки, - летом зелено!

Гигантский карьер: вырванное тело земли спускается уступами, по уступам-дорогам ползут груженые "Белазы". Дом культуры с колоннами. Реденький небольшой сквер. В нем бассейн со слонами; вода сейчас спущена. Смутное воспоминание: соревнования по плаванию, народ на трибунах, шум, свист, смех, бульканье лимонада. Афиша кино. Улицы, украшенные пыльными садами.

Махонький магазин, откуда выходит казах, таща за ободранную ногу полбарана. Несколько перекрестков - и перед тобой расстилается голая морозная степь, вся в холмах отвалов. Старушка-шахта, построенная на заре века англичанами. Гигантские современные копры. Комбинат. Медь. Валюта.

Ночью низкое студеное небо, усеянное яркими казахстанскими звездами. Вечное небо моей юности! Азиатская печаль моих зрелых лет...

Необхоженное русское кладбище: металлические оградки, сварные памятники, звездочки, крестики и просто доски из металла, реже - из камня... Мусульманское кладбище. Редкая юрта на окраине рудника.

Визг поросят во глубине частных дворов. Свиноводческие подсобные хозяйства в старых штольнях...

Водка - что надо, и хлеб - что надо. "Фантомас" из помидоров. Алычовое варенье. Отменное местное пиво. Люди везде живут, и сопротивляются тяготам бытия земного...

Дружба русского и казаха - не редкость. Перемешивание кровей. В отпуск - из шахты в юрту. Стойкий люд Джекказгана достоин поклона. Низко кланяюсь ему - всей своей памятью.

Опыт и совершенствование

Жизнь была у дедов и прадедов простая - долгая трудовая смена, перемежающаяся нечастыми праздниками. Природная сметка требовалась, да еще какая - условия жизни суровые, соображать надо!

Что по части образования? Алтайские Первопоселенцы были неграмотны, второе поколение - Дмитрий Петрович, Агафья Петровна, да и прочие - учились в церковноприходской школе, оканчивали кто три, кто четыре класса. Андрей Кондратьевич стал первым в роду интеллигентом (правда, деревенским), если интеллигентом - формально - можно считать человека умственного труда. Бухгалтера.

Следующие (Александр и Виктор Жуковы, Александр Клишин и другие) прошли сквозь институты, стали хорошими специалистами. Недостаток корней образовательных, интеллигентности компенсировался энергией, природными способностями, живучестью.

Род отличался превосходными рассказчиками - прабабка Наталья, бабка Агафья Петровна, дядя Виктор Андреевич и Александр Дмитриевич, отец - Александр Андреевич. Они же грешили стихами - постепенно, от поколения к поколению, влечение сие, недуг сей благородный как бы накапливался...

Намешала судьбина крови!

По крестьянской линии моего отца, судя по свидетельствам старших, кровь у нас русская с примесью татарской. Это и неудивительно: Русь столько веков была под игом племен Дикого Поля, а потом долгие столетия сосуществовала рядом с татарами; обе эти нации ассимилировались... Московско-Тульско-Тамбовский регион подвергался частым набегам Орды, представители которой и по сию пору живут здесь шумно; это не Новгород, не Беломорье, где сохранился относительно чистый славянский тип.

У Клишиных при прямых черных и русых волосах встречаются голубые глаза. Белоголовых, кажется, не было. У Жуковых и Клишиных есть еще и курчавые головы, смуглая кожа, что дает мне основание предполагать примесь цыганской крови. Кажется, не обошлось и без хохлов.

Бабка по линии моей матери, Евдокия Кузьминична Латкина (в девичестве Козлова) была, судя по рассказам, наполовину русская, наполовину белоруска. И приехала она на Алтай, в Бийск, из Белоруссии. Привезла ее сюда мать, Ерина Козлова. Под Минском и в Молдавии до сих пор живут ее прямые родственники. А вот дед, кавалерийский офицер Федор Сафонович Латкин, имел восточный тип наружности (казахский, а может, монгольский или алтайский). Его мачеха жила перед войной в Алма-Ате. Он пропал без вести в боях под Ростовом-на-Дону в 1943 году.

Итак: русская, белорусская, украинская, татарская, цыганская, монгольская (алтайская) кровь... И все это теперь зовется - Сергей Жуков, русский. Бесспорно, нырком вглубь Российской державы род наш обогатил содержимое своих вен и артерий. И то сказать - намешала судьбина крови!

КНИГА ТРЕТЬЯ

СТРАНСТВИЯ

Душа Владивостока

Путь во Владивосток начинается с Домодедово.

Люди спят на газетах, разметанные на каменном полу. Грузчики-регистраторы просят 100 рублей за регистрацию. Туалеты: на 6-м этаже служебный, сносный, на 1 м платный (15 коп.) погрязнее, на улице - бесплатный с отвратительной вонью. Делают бизнес: продают газеты: "Музыкальная Россия", "Утюг", "Дом", книги: Соловьев, Агата Кристи, бижутерию, яблоки, цветы. В "бистро" (на деле, обыкновенной столовке, даром что замена - "быстрое обслуживание") девицы на раздаче не улыбаются, отказываются наливать подливку в гарнир, если без мяса, и дописывать цены в ценник. На регистрации люди убиваются и в транзите ждут сутками. Перегруз линии? Почему не пустить дополнительные рейсы?

В кассе N 10 "Транзит" сцементировались желающие улететь в Благовещенск, Комсомольск, Владивосток, Хабаровск. Убивают друг друга: потные, напряженные, уставшие, злые. Мужчины гражданские и военные, женщины с малыми детьми и беременные - все тянут руки, взывают к кассирше за стеклом "Проверьте бронь Грачева" ... "Паклину, Паклину посмотрите..." "Охрименков, по телеграмме"...

Получаю бронь в военной комендатуре на 6 этаже. Страждущие 2 солдата: "Мы здесь трое суток". Беременная женщина. Полковник с двумя лейтенантами направляется в командировку. Всех равнодушно отправляет старлей в окошечке. Мне бронь достается. Сервиса никакого, толкучка, искаженные лица тревогой, напряжением, усталостью, страхом. Люди беснуются, кричат.

В самолете нелюбезны, неулыбчивы. Тесно в салоне, душновато, свет выключают - не Америка. Зато все спят. Кормят сносно - мясо, сервилат, яблоки, минералка, чай, кофе.

Стюардессы, экипаж, беспосадочный полет. Мысли о душе - холодной и эгоистичной. Посадка. Проезжаю город. Артем, где рубят уголек. Дальше начинается курортная зона. Лес отступил, грибы тоже. Свалки. Наводнения. "Хрущевки".

... Иду в гору по размытому ложу дороги. Чавк-чавк. Недавно, говорят, здесь был асфальт, но тайфун унес его в океан. Как и многое другое. Это печалит хозяев и радует хозяйственников. В ноздри бьет густой, ароматный запах травы. Она высоченная и изумрудная. По голове из неба бьет дождь. Небо низкое, серое и сливается с Амурским заливом. Я во Владивостоке третий день. Мне нравится.

Нравится, что таксист, запросив в аэропорту шуточки ради 150 рублей, тут же согласился довезти за 40. "Сговорчивый народ", - думал я, - "всего в 4раза дороже, чем по счетчику, в Москве таксисты злее". Нравятся сопки и бухты, но не очень - современные дома и подлодки. Это пока не Сан-Франциско, впрочем, центр ничего и порт - ого-го. Нравится, как принимают Ельцина - не без юмора и с достоинством. Когда по TV показывали его прибытие, включили песенку "Давай пожмем друг другу руки, и в дальний путь на долгие года". Впрочем, мимо митинга у горкома партии многие шли своим путем.

Я в Америку ездил 2 раза в одно время с Горбачевым. По России перемещаюсь синхронно с Ельциным. В Нью-Йорке горячей относятся к Горби, чем к Ельцину. Во Владивостоке - наоборот. В этом разница с Америкой. В Нью-Йорке Горби на первых полосах многостраничных газет, здесь - Ельцин на первых. В этом - совпадение.

Цветная газета "ДелИн" была для меня откровением. Как и черно-белое оформление города с вечно живым лозунгами "Пятилетке эффективности и качества" и "Дело Ленина живет и побеждает". "

Побеждает новое - правда, в трудной борьбе со старым и не всегда. Я успел рассмотреть : упразднили институт "помполитов" в торговом флоте, но еще не ввели института экологии края. Избрали новый горсовет, но еще не простились с допотопной лихтерной перевозкой.

О, город контрастов, где каждая вторая машина с правым рулем, а отцы города пытаются давать руля влево! где в тайге растет виноград, а зимой за 6 минут отмерзает нос! где рождаемость меньше, чем в соседнем Китае, зато уроженцев Кавказа больше, чем в Ставрополье! где по бухте плавают дефицитные нефтепродукты и древесина, но японцев допускают только для обмена детьми.

Я родом из космонавтики, и потому жадно тянусь к морю. "Астро" и "аква" имеют много общего.

Каюта капитана торгового судна из 4-х помещений будет побольше, чем каюта станции "Мир". Зато квартира космонавта на проспекте Мира куда просторнее жилища морского волка: последний, как я понял, может и на пенсию уйти, не дождавшись жилья.

Проблема острая, но город ее решает бодро и весело. Обживают леса, призвав на помощь технику и стихии. Бульдозер ползет снизу, ливень льет сверху, в-жжик- и с сопки снят зеленый скальп целиком. Можно строить. Правда, прочность многоэтажек пока не та, что у бетонных дзотов и казарм вокруг города. Крепость уже

50 лет стоит без ремонта - и хоть бы что. Дома же просят ремонта на 2-ой год после ввода в эксплуатацию. Теряем кое-что в движении по пути прогресса!

"На кой черт так решать?- сказал мне таксист.-"Угробят Тигровую падь, а там дышало все - сады, зелень, только подведи свет и воду. Теперь построят новые дома на безжизненной скале и заселят теми же жильцами. Только ни двора у них, ни живности уже не будет. Разве так людей можно вырастить людьми? Впрочем, - он помолчал,- здесь можно отключать свет и воду. На короткой сворке держат народ, не побунтуешь".

Но бунтуют. Я слышал, в Партизанске забастовки - нету табака. Я встретил в Находке женщину, которая везла в Партизанск сумку, набитую папиросами. "Буду выдавать по пачке в день на двоих, вот хорошо, а они мне забор починят. Слава Богу, Находку еще не закрыли".

Владивосток торгует со всем миром. Сахар везут из Кубы, пшеницу из Канады, морскую соль из Китая. Больно это видеть: у нас своя целина и свекловичное Подмоскovie, и море такое же, как у китайцев (только что с нефтью).

Но капитанам везти надо: приказ есть приказ. Может быть с суверенитетом России, с введением свободной экономической зоны владивостокцы станут хозяевами своей территории? Хочется верить.

Я еще не проник в душу города, но уже увидел, что у его женщин длинные стройные ноги, у цветов пышные бутоны.

В городе продают коноплю. Милиция охотится на сборщиков конопли, ее патрули вооружены "Patrol"ами, вертолетами.

Крайисполком. На входе человек сидит за стойкой. Красивое здание, мрамором отделано. Внутри - ковры, звукопоглощение идеальное, кабинеты уютные, тихие. Нарядно, лифты большие. Телефонная связь: власть!

Отдел по работе с советами. Пономарев Вадим Ник., куратор Находки:

- И зачем мы занялись поездками, валютой, контактами с Западом, когда у нас горит экономика? Продаем танки, цветной металл, лес - валюта утекает, как вы говорите, но... зачем? Зачем ездят за границу - смотришь, был 15 дней там-то и там-то, а что ты привез? Что, хлеба, колбасы больше стало? Какой опыт перенял?

И тут же сник на мой вопрос: ведь и у вас, наверное, ездят, а что привозят? Да (потупив очи) бывает ездят - в Японию, в Южную и Северную Корею...(здесь он спорить, бунтовать не может, иначе не сидел бы на этом месте).

Душа Владивостока... С нею не все в порядке. Рушится, ветшает старый золотой фонд. Растут "зубья мудрости". Новые могилы на кладбище не то что старые. Православный храм, там порядок! Но католикам отправлять культ негде.

Дома-клетушки, серое небо, серые камни там, где буйно и зелено цвели багульник и чистотел. Пришел человек, царь природы, и нету природы, а есть скученность, пыль, уют. Есть мальчишки, которые ругаются матом и рвут уши у старого пса, есть пьянчуги, которые испражняются на лестницу в доме, есть сточная канава, по которой течет коричневый вонючий ручей. Поутру по каменистой дороге проезжают тяжелые грузовики, выбрасывают из трубы клубы черного дыма, как паровоз Ползунова, поднимают облака серой неоседающей пыли - такие, что вечером, как не закрывай окна, на лакировке шкафа можно писать нехорошее слово. Это вот - гетто, настоящее гетто, где живут убого и тесно, где нету удобств и размаха, нету любимого дерева в своем саду и скворешника нету, и собачьей конуры, где не летают даже вороны. Это - покорность ЖКОшному князю, который захочет - и перекроет горячую воду и свет, чтобы не бастовали трудящиеся, и лифт отключит, чтоб старушкам легче тащилось на высокий этаж, тренировалось чтоб стылое сердце натруженное на стройках социализма...

Гетто

За зеленой китайской вазой, окруженной четырьмя глиняными слонами, виднелась группа аккуратных с виду, крепких еще кирпичных и деревянных строений. На глухой стене одного из них был намалеван синий квадрат, по которому огромными желтыми буквами шла надпись: ГЕТТО. Стена и большое желтое слово смотрелись как реклама.

Мы вошли внутрь двора. На уровне колен находилось раскрытое окно с медленно колышущейся плотной портьерой. Дверь рядом была приоткрыта.

- Можно к вам на минуточку?

- А вы кто?

Перед нами стояла молодая женщина лет 25-27, в домашнем халате, и смотрела весьма приветливо. Мы представились.

- Интересно посмотреть, как вы живете.

- Пожалуйста, - женщина пожала плечами. - Чего тут смотреть?

В квадратной сумрачной комнате, заваленной одеждой, детскими игрушками и книгами, было влажно и настолько душно, словно вас обложили мокрой ватой. Две

вещи странно привлекали внимание: обитые железом деревянные сундуки и кресло, непомерно большое для узкого пространства.

- Вас не заливают? - вопрос был вполне закономерный для Владивостока с его ливневыми дождями.

- Нет... Но духота нестерпимая. Здесь проложены трубы отопления, жара - 35-40 градусов. Зимой окно не откроешь, на работу идешь как из парилки, с тяжелой головой.

В окно видны были ноги проходящих людей.

- Отсюда все, кто здесь жил, уезжали с туберкулезом...

Хорошенькая перспектива ожидала миловидную особу, чья семейная жизнь только началась!

- Я веду музыку в детском садике. Мне бы надо было поставить пианино. Но тогда мы будем не ходить, а протискиваться.

Она с надеждой посмотрела на меня:

- Будете что-то писать? Напишите, вдруг да что-нибудь сдвинется...

Мы вышли во внутренний дворик, маленький, увешанный бельем на натянутых веревках. Никакой растительности, кроме двух-трех чахлых кустиков. Двери коридоров были открыты. На второй этаж вела крутая деревянная лестница снаружи дома. Она закрипела под нашими ногами. В тесном коридорчике были развешаны тазы, кастрюли, стояла детская коляска. Все было ободрано. Сквозь квадратное отверстие в потолке вел узкий деревянный трап. Протиснувшись, мы очутились на крошечной, в два квадратных метра, площадке, и увидели дверь, занавешенную истертым одеялом.

- Разрешите?

- Заходите, - с легким замешательством отвечал женский голос. - Ой, гости у нас, неудобно. Приберись...

Послышалась возня. Мы вошли и повторили свой вопрос.

- Пожалуйста, смотрите.

Женщин было двое. Младшая держала на руках малыша. Нищета, убогость бросались в глаза. В углу, в небольшом закутке, кипела на плите солянка, разнося по комнате жирный запах еды. Рядом над раковиной висел умывальник. Поймав мой взгляд, молодая хозяйка сказала:

- Нет ни воды, ни слива. За водой ходим на колонку, помои выносим на помойку...

За столом сидели двое мужчин. Потолок над ними совершенно вздулся, с него, набухнув, отслаивалась краска, чернели потеки по стене. Детская кроватка, диван - все казалось сырым от непомерной влажности.

- Вообще-то это чердак, - объяснила женщина постарше, с истомленным, землистого цвета лицом, оглядывая нас испытующим взглядом. - Как дождь пройдет, заливают сверху.

Рыженькая молодая хозяйка была худощава, с выражением усталого упорства на веснушчатом лице, и говорила спокойно, медленно, словно преодолевая противостоящую ей невидимую силу.

- Кто вас прислал? Я боролась за то, чтоб меня прописали, целый год. И депутаты здесь были, и телевидение. И только после письма в газету "Красное знамя" дело сдвинулось... Я тут дворничиха.

- Как вас зовут?

- Алла.

- Чемакина Алла Владиславовна, - быстро подсказала женщина постарше. - Я мама ее, Эмма Ивановна. Помогите, ради бога, чем-нибудь, она одна, без мужа живет, тяжело...

- Одного этого трапа, когда ты с ребенком, уже хватит для полного удовольствия, - заметил мой дядя, моряк, когда мы спускались по скрипучим деревянным сходням. Я вспомнил крутые металлические ступеньки на его судне...

- Девчонкам с камбуза приходится бегать с одного уровня на другой, - продолжал он, - но здесь - круче...

Мы стояли в задумчивости посреди двора.

- Чего ищете, ребята? - к нам подходила согбенная старушка с морщинистым лицом, с мягким седым пушком на голове. Одета она была в вязаную кофту и потертую серую юбку.

Узнав, что я из газеты, она быстро заговорила:

- Напишите, до какой жизни нас довели... Я живу здесь с двадцать восьмого года. Но раньше такого не было. Посмотрите на помойку, крысы каждую ночь бегают, вон, в архиве развелись, а я так каждую ночь по девять-десять мышей вот таких убиваю (развела пальцы). - Квартиру оплачиваем, а за что? Воды нет. Номеров на дверях нет, "Скорая помощь" не может найти. Ни ремонта, ничего. Мы решили, - не будем платить... (А сделать сообща - они не решили? - С.Ж.)

Завгородняя Матрена Павловна, так звали нашу собеседницу, родилась в 1910-м году, после японской войны. В 18 лет попасть в эту клетку и прожить безвыездно в одной мышиной, блошиной комнате - такой доле не позавидуешь!

- Пойдемте, я покажу вам туалет и помойку, - Матрена Павловна заторопилась.

Я вошел в туалет. Острая характерная вонь ударила в лицо. Помост с круглыми дырками был сколочен из гнилого дерева, над одной из них согнулся на корточках мужчина, тусклая лампочка мутно освещала склизкий неровный пол... После долгой задержки дыхания я все же глотнул смрад и тут же поспешил наружу, стараясь отдышаться.

- Посмотрите вверх, - посоветовала провожатая. На втором этаже было растворено окно, задернутое занавесками. - Женщину, что живет над туалетом, этот запах изводит до смерти. - Не открыть окно нельзя - от духоты задохнешься. Уж как она жаловалась, но никуда не переселяют.

Вокруг нас собралась кучка народу. Молодой человек сердитого вида пытался встрять в разговор: Кто вы? Откуда?

Я повернул деревянную вертушку и растворил дверь в помойку. Мухи густо жужжали над омерзительной гниющей массой из очистков, консервных банок, отходов еды, тряпок, бумаги. Жижга через дверь сочилась во двор. В ней копошились черви... Мне почудилось средневековье, с его нечистотами на улицах городов, с чумой, регулярно уносившей тысячи жизней, с полчищами крыс, разносчицами заразы, провозвестницами смерти... "Ордена Ленина Приморский край" - увидел я мысленно плакат при въезде в город. "Товарищ! Наша задача - четко организовать перестройку управления экономикой," - гласил лозунг в километре отсюда. Чья задача? Старушки, этих жильцов, окруживших меня? Или того чиновника, по приказу которого была вывешена эта нелепая надпись?

- Зайдите ко мне, - подошел пожилой мужчина в рубашке с расстегнутым воротом, с загорелым лицом и шеей, изрезанной морщинами. - Я Румянцев Павел Михайлович, участник войны, живу 35 лет в одной комнате.

В старой кособокой конуре стоял полумрак. Свет едва просачивался сквозь мерклое, как бычий пузырь, стекло. Постель была смята. На столе навалены были немытая посуда, кастрюли, таз, тряпки, отвертка, пыльное зеркало. Справа находилась старая мазанная плита. Пол был уставлен: ведра, банки, стул с одеждой, сушка - все вперемешку. Я спотыкался о какие-то тюки. На потолке чернела заплатка из куска пластика.

- Потолок обвалился, - сумрачно объяснил хозяин.

Покинув гетто, я долго не мог прийти в себя. До Революции, как рассказали обитатели, здесь были бани, а потом конюшни. Не знаю, как тут кони жили, они бы сдохли среди блох, мышей и тараканов. Мы шли мимо фундаментальных кирпичных зданий костела и политехнического института: хорошо умели строить до Революции! Почему сейчас люди прозябают в условиях, сравнимых разве что с фронтовыми? Почти сто лет!

В это утро я был по делу в крайисполкоме, расположенном в 5 минутах ходьбы от гетто, видел тихие уютные кабинеты с кондиционерами, отделанные мрамором лестницы, сосредоточенно-нахмуренных мужчин и женщин с пухлыми от сидячей работы ягодицами. Интересно, сколько денег потрачено на "Зуб мудрости" (так народ зовет белую административную башню, бодро вымахавшую в гнилой пасти центра)? Наверное, власть ослепляет - иначе как не увидеть трущобы под носом!

Гетто - позор любого города. Когда американское судно "Викинг" впервые посетило Находку, в порту снесли бараки. Своих воплей никто не слышал. Сейчас в городе японцы - почему б вам, дорогие жители, не пригласить их к себе - может, отремонтируют ваши халупы? А не выйдет - поселитесь в крайисполкоме. Так уже делали в Ленинграде - квартиры нашлись тут же. Или китайцам дайте развернуться, тем кто соорудили близ гетто огромную глиняную вазу, усаженную зеленью.

А трущобы не сносите.

Оставьте их памятником прошлого, не тратьтесь краску замазывать, все равно протестующая рука опять выведет горящими буквами: ГЕТТО.

... Я шел, и в грудь, точно пепел Клааса, стучались стихи, обращенные к власти:

Сверху вам, сукам, в "Зубе" живущим,
Виден Ярап.
А под ногами не райские кущи -
Гниль и обман.

Гетто! Людишки там шевелятся
В клетках, в чаду.
Вам же проспектом славно промчаться -
Власть на виду !

Мир прокаженных, туберкулезных,
Рвань, голытьба.
Свитки прошений, униженно-слезных -
Доля раба.

Женщине, смрад туалетный глотающей,
Плюнуть - в кого ?
Детям, на свалке куски собирающим,
Гнить - отчего?

... Ты - на "Патроле", я - без патрона.
Где мой наган ?
Ты - с коньяка, я - от срама и стона
Сделался пьян !

Владивосток, сентябрь 1990

Усть-Каменогорск

Усть-Каменогорск встретил меня октябрьским солнцем, золотом листьев и туманной газовой дымкой над городом. Газ скрадывал очертания домов, висел как марево над пустыней - только пустыня была по-осеннему прохладна, заполнена дребезжанием трамваев, голосами людей. Жизнь в городе неспешная, я отметил это сразу. Люди ходили как везде - в болонье и сапожках, в шляпах, очках, телогрейках, импортных куртках и джинсах. Виднелись пачки сигарет из-за стекол коммерческих ларьков, горкой краснели яблоки в цинковых ведрах. Жиденькой строчкой стояли неумелые продавцы папирос и ветра.

- Это титано-магниевый комбинат осыпает нас отравой, - заметила моя спутница. - При выбросе газа у деревьев за ночь опадают листья. Раньше деревья вдоль улиц сажали в кадки: одни увянут, тут же привезут другие. Как будто все нормально.

- Как же вы тут живете?

- Привыкли...

Они привыкли! Они живут в отравленном городе, насыщают легкие бериллием и свинцом, продуваются радиационными ветрами Семипалатинска - и живут, не трогаясь с места! У западного человека перспектива прожить здесь хоть неделю, хоть день вызвала бы дрожь отторжения, а наш народ... - о, воистину, ты чудо долготерпения!

- Нам и подругам нашим не дожить до срока отцов. Дай Бог хоть до пенсии дотянуть. И рады бы, как бабушка Кулюшка, в 80 лет огурчиком ходить, да не сможем, внутренности не те.

Эту сентенцию я услышу от Валерия Клишина, моего троюродного брата, двумя днями позже, когда отправлюсь вместе с ним навещать стариков нашей фамилии.

- Век свой проживали в добром здравии, до восьми десятков лет и более, и умирали внезапно. До последних дней никого не обременяли, не теряли радости жизни.

Выходит, наследственность не виновата, наследственность наша - строевой лес, отборная гвардия народа русского. Отчего же мы умираем раньше срока? Ясно - отчего.

... В селе Винное нам легко указали дом, где живет Виктор Дмитриевич Клишин. Мы прошли по обязательной улице Ленина, мимо лужи с гусями, мимо мальчишки, надевающего цепь на зубчики велосипеда, и толкнули калитку. Человек в коричневом старом пальто, шапке-ушанке и сапогах возился в дальнем углу огорода. Лицо его я не мог разглядеть издали. Маленькая лохматая дворняга залилась лаем при нашем появлении, заметалась на короткой цепи. Человек медленно побрел к нам навстречу.

- Виктор Дмитриевич! - узнал я характерное клишинское лицо с крупным носом, с тяжелым подбородком и большими губами. Он пристально всматривался в меня.

- Не узнаете?

- Жуков, что ли?

Он самый! - обрадовался я.

- Шуриков сынок, - услышал я голос за спиной. Пожилая женщина сбегала с крыльца. - Вылитый папка. Уж подумала, как глянула в окошко - не Сашенька ли? Да Сашенька старый должен быть, а ты молодой. Ну, вылитый он, такой же кудрявый, две капли воды...

Александра Ильинична, которую я ни разу не видел, а слышал только упоминания о ней от отца, хлопотала у плиты, говорила без умолку, быстро перескакивая с одного на другое.

- Ой, деточка, как же это ты приехал? Умница какой. А мы, видишь, как тут живем: дедушка болеет. Нервы не в порядке: все умственная работа. Я проснусь

ночью, а он: "два миллиона триста тысяч... три миллиона четыреста тысяч..."
Знаешь как, сушит эта работа...

Баба Шура в темпе рассказала мне про четырех своих сыновей - старшие Юрка и Валерка живут поблизости, занимаются хозяйством, и снохи-то хорошие, работающие, а вот младшие близнецы огорчают. Генка женился, дочке 16 лет, а жена пьет. И он с ней пьет. Другой уехал в Тульскую область с женой-казашкой. Пишет, что трудно ему, бедно, вернуться хочет, но не может. Один в юности поступил в институт, а другой говорит, если не бросишь - ты мне не брат. Так и не обучены оба...

- Тебе и спрашивать не надо - сама всю историю расскажет, - слабо улыбнулся глава семейства.

Выглядел он слабым, двигался и говорил как зомби. Что-то было у него не в порядке внутри. История с гибелью моей мамы, видимо, поразила его. Он молча переживал сообщение. Чувствовалось, он вообще был склонен все носить в себе. Тяжелый жребий!

Мы возились в огороде, когда появился старший, Юрий, мужчина лет 45-ти, в телогрейке, в шапке.

- Узнаешь, сынок, кто к нам приехал?

- Может, мама, по породе узнаю, - неуверенно произнес мужчина.- Не Жуков ли?

Мы жали руки, рассматривая друг друга, - первая встреча троюродных братьев после 36-ти лет совместного проживания на Земле. Солнце садилось за каменные сопки, четко отпечатанные на светло-голубом небе. Это были места юности моего отца. Все здесь носило отпечаток крестьянского, от века неизменного уклада жизни.

- Ну что же, - спокойно проговорил Юрий. -Приходите к вечеру, посидим за столом. А сейчас мне надо маленько попилить дрова.

- Давай, помогу.

Юрий залил бензин в пилу "Дружба". Окрестности огласились характерным моторным треском и визгом вгрызающегося в дерево металла. Я пододвигал горбыль, укладывал в поленницу отпиленные чурки.

- Вот скажи мне, Сережа, как дальше жить? Было у меня 5 тысяч рублей сбережений, я думал - это деньги. А они за год превратились в ничто. Раньше мог я деньжонок подкопить и купить машину, - а теперь? Две дочери подросли, замуж их скоро выдавать. А здоровье у нас с женой уже не то...

По дорожной насыпи брели коровы, расходились по проулкам.

- Каждая знает, куда ей идти?

- Ну... Оно, конечно, в деревне с голоду мы не помрем - и молоко свое, и мясо, и картошка. Но участок-то - 6 соток, разве это дело? Хоть бы вдвое больше...

- А прадедам нашим здесь землицы сколь хошь давали... Неужели сейчас не хватает?

- Хватает... - безнадежно произнес Юрий. - Надо бы еще получить. Но отсюда ведь не тронешься в такие-то времена. Нет денег, чтобы построиться заново. Разве что казахи изгонять начнут - тут уж все бросишь, побежишь куда глаза глядят.

В Казахстане и по сию пору людям живется легче, сытнее, чем в России. Был бы благословенный край, если не рудники и национальный вопрос, обострившийся с распадом Союза. В Восточно-Казахстанской области, где подавляющее большинство населения составляют русские, появились казахские надписи на магазинах и учреждениях, участились попытки ввести казахский язык в качестве единственного государственного языка.

- Они хотят заставить нас учить казахский, а мы не будем, - говорил мне Юрий.

- Да, сыночек, да... - сокрушенно качает головой баба Шура. - Все было хорошо, никто не ожидал, что так повернется. Она как...

Несколько дней назад Усть-Каменогорск был взбудоражен зверским убийством. Молодые чеченцы убили в общежитии трех казахов, отрезали им головы. В ответ поднялось казахское население, чуть не вспыхнула резня. Не вмешайся милиция - много крови бы пролилось... В городе патрулирует местный и карагандинский ОМОН, по местному телевидению выступают главный Имам Восточно-казахстанской области, митрополит Усть-Каменогорский и Семипалатинский, сияет гладкая плутовская рожа в папахе - глава парламентской делегации Чечни...

Женщины Жуковско-Клишинского племени в тревоге за свои семьи, вжались в уютные дома, прибрали поближе детей. "Кто бы мог подумать, что и у нас начнется?" А может ли быть иначе, если у соседей пожар?

Мы сидели вечером в доме Юрия - сам строил, сам отделывал, Я читаю главы "Переселение", "Золотуха", "Кое-кто из Клишиных", "1-я Мировая и Гражданская", "Раскулачивание и ссылка". Глубокая тишина, изредка прерываемая возгласами бабы Шуры:

- Надо же, деточка, откуда ты знаешь?.. Верно!.. Так и было!..

К 9-ти часам Людмила, жена Юрия, уже начинает зевать: крестьянский уклад, подъем в половине шестого. Но ужин был что надо: домашняя лапша на курином бульоне, курица, соленые огурцы и помидоры, квашеная капуста, домашние кексы к чаю, варенье, мед.

- А к рождению любому - как задвинем торт на противне, - Людмила очерчивает сооружение размером с полстола. - Все хозяйки, умелицы. И петь любим...

Назавтра за общим семейным столом соберутся отец с матерью, сыновья с женами и дочерьми, соседи, и зазвучит-загремит русская песня. Поют звонко, густо.

Только я не винова-ата,
Что потеряно кольцо,
Что ладони пахнут мятой
И ромашковой пыльцой...

Помню, родители мои соберут гостей, покормят быстро детей, сами сядут за стол, выпьют, захмелеют, отодвинут тарелки с едой - и льется песня, и никакой не требуется музыкальный инструмент: голоса да души звучат. Природное в этом есть, не утраченное - от полей, от свиста ветра и шума деревьев, от дождя, от звезд.

Звезды в Казахстане не московские - крупные, яркие. Все созвездия видны отчетливо, хоть рисуй знаки Зодиака. Астрология только в Азии и могла зародиться, на сухих плоскогорьях, удаленных от океанской влаги.

Октябрь 1992